

МЕРЛИН

ПОТЕРЯННЫЕ ГОДЫ

Т. А. БАРРОН

Ожидается экранизация «Саги о Мерлине»
при участии режиссера Ридли Скотта.

Сага о Мерлине

Томас Баррон

Потерянные годы

«Издательство АСТ»

1996

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Баррон Т. А.

Потерянные годы / Т. А. Баррон — «Издательство АСТ»,
1996 — (Сага о Мерлине)

ISBN 978-5-17-113467-9

Во время шторма волны выбрасывают на берег средневекового Уэльса семилетнего мальчика. Он чудом остается в живых, однако лишается памяти — теперь у него нет ни имени, ни дома, ни родины. Но мальчик полон решимости выяснить, кто он такой, и узнать правду о своем прошлом. Долгие поиски приводят его в волшебную страну, окруженную бурными водами океана и преградой, которую не под силу преодолеть простому смертному. Он обнаруживает, что судьба прекрасного острова тесно связана с его собственной судьбой. Приподнимая завесу над тайнами взросления того, кто станет легендарным волшебником, эта книга повествует о его «потерянных годах». Юному Мерлину предстоит пережить немало приключений, удивительных даже для тех загадочных времен.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-113467-9

© Баррон Т. А., 1996

© Издательство АСТ, 1996

Содержание

Предисловие автора	7
Пролог	11
Часть первая	16
Глава 1	16
Глава 2	21
Глава 3	24
Глава 4	28
Глава 5	32
Глава 6	39
Глава 7	41
Глава 8	43
Глава 9	47
Глава 10	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Т. А. Баррон

Потерянные годы

T. A. Barron
Merlin Saga. The Lost Years

* * *

Печатается с разрешения литературных агентств Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Text copyright © Thomas A. Barron, 1996
Map illustration copyright © Ian Schoenherr, 1996
© О. Ратникова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

ПАТРИСИИ ЛИ ГОШ, ВЕРНОМУ ДРУГУ,

ТАЛАНТЛИВОМУ АВТОРУ

И ТРЕБОВАТЕЛЬНОМУ РЕДАКТОРУ,

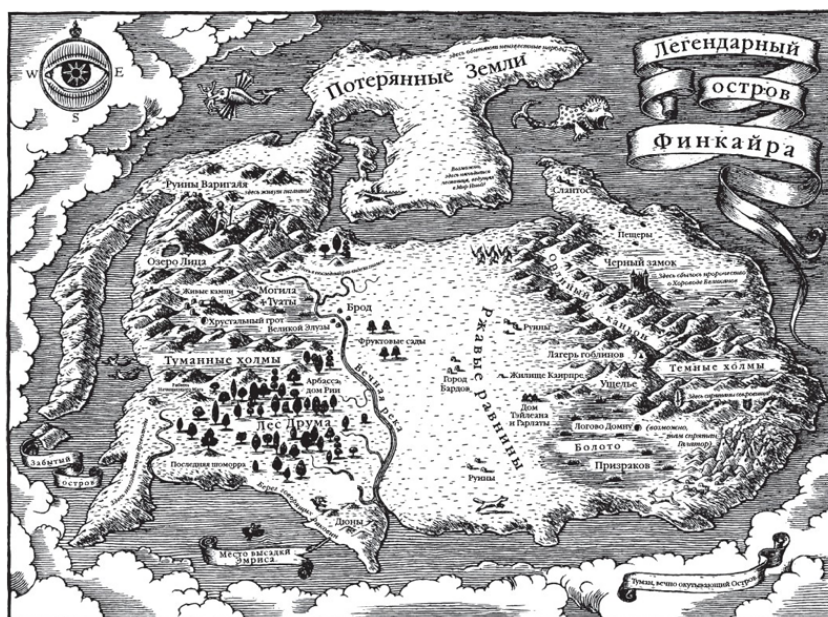
А ТАКЖЕ,

С ГЛУБОКОЙ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬЮ.

ЧЕТЫРЕХЛЕТНЕМУ БЕНУ,

КОТОРЫЙ СПОСОБЕН ВИДЕТЬ

И ЛЕТАТЬ, КАК СОКОЛ.

Предисловие автора

Я мало знаю о волшебниках, однако с уверенностью могу утверждать одно: они умеют удивлять.

Заканчивая «Эффект Мерлина», роман по мотивам одной из артуровских легенд, действие которого начинается в эпоху друидов и заканчивается на рубеже XXI века, я обнаружил, что сюжет так крепко завладел моим воображением, что я не в силах освободиться. Я вырывался, но меня тянули обратно. Я пытался выпутаться, но древняя легенда захватывала меня все сильнее.

Это была легенда о Мерлине. Образ загадочного мага поражает воображение со времен средневековья. Он рождается мудрецом, дерзает бросить вызов Тройной Смерти¹, ищет Священный Грааль и беседует с духами рек и деревьев. И я понял, что мне хочется узнать о нем больше.

Современные исследователи считают, что у легендарного Мерлина был реально существовавший прототип – друид, который в VI веке жил где-то в Уэльсе. Но этот вопрос мы оставим историкам. Не так уж важно, действительно ли Мерлин историческая фигура и житель средневековой Англии. В мире фэнтези этот персонаж вполне реален. Именно там он прожил долгую жизнь и до сих пор продолжает жить и здравствовать. И время от времени даже принимает гостей. Поскольку я хотел написать не исторический труд, а книгу в жанре фэнтези, двери Мерлина я нашел широко распахнутыми.

Итак, не успел я опомниться, а Мерлин уже обрел надо мной власть. Пришлось отложить все другие книги и проекты. Настало время изучить еще одну грань средневековой легенды об Артуре и его дворе. Я имею в виду биографию волшебника. Я с самого начала подозревал, что, как это часто бывает, чем больше сил я потрачу на изучение жизни Мерлина, тем меньше узнаю. И, разумеется, я прекрасно понимал, что попытка добавить хоть крупицу нового в корпус знаний о Мерлине – довольно смелое предприятие. Но любопытство иногда помогает свернуть горы. А наш маг оказался весьма настойчивым.

Затем волшебник преподнес мне первый сюрприз. Погрузившись в мир традиционных сказаний о Мерлине, я обнаружил необъяснимый пробел в его биографии. Юность мага – важнейшее для становления личности время, когда он должен был узнать правду о своем таинственном происхождении, о своих родителях и своем могуществе, – упоминается в легендах лишь мельком, а в некоторых пропущена вообще. Мы не знаем, когда и почему он впервые испытал печаль, познал радость, где приобрел начатки мудрости.

Большинство традиционных сказаний, следуя примеру, поданному Томасом Мэлори, полностью умалчивают о ранних годах жизни Мерлина. Есть несколько историй о рождении мага, о страданиях его матери, о том, что он не знал отца и очень рано повзрослел. Согласно одной легенде, Мерлин, когда ему едва исполнился год, выступил с целой речью в защиту матери. Далее следует пробел; мы снова встречаемся с Мерлином, когда он, уже став юношей, рассказывает вероломному королю Вортигерну о сражающихся под землей драконах². Эти два

---

¹ Согласно легенде, прототип Мерлина, шотландский ясновидец Мирддин Виллт (540–603), предсказал собственную смерть от трех причин: падения, пронзившего его копья и утопления. Он погиб, когда на него напала группа пастухов, считавших его безумцем; пастухи избили его, бросили с обрыва в реку, где он напоролся на острый кол и утонул.

² В книге Гальфрида Монмутского «История королей Британии» сказано, что король Вортигерн решил построить в Сно-

эпизода разделяют несколько десятков лет. Возможно, будущий маг действительно, как предполагают некоторые, провел «потерянные годы», бродя в одиночестве среди лесов. Но возможно – это, разумеется, всего лишь гипотеза – он совершил путешествие в некий иной мир.

Недостаток сведений о ранних годах Мерлина резко контрастирует с избытком подробностей относительно его дальнейшей жизни. Став взрослым, он фигурирует в легендах в многочисленных ипостасях; его описывают как пророка, мага, Лесного Безумца, обманщика, жреца, провидца и барда. Он появляется в самых ранних мифах кельтской Британии; некоторые из них пришли из такой глубокой древности, что их источники были неизвестны уже тысячу лет назад, когда создавался великий валлийский эпос «Мабиногион». Волшебник Мерлин – персонаж «Королевы Фей» Спенсера³ и «Неистового Роланда»⁴ Ариосто. Он – советник молодого короля в «Смерти Артура» Т. Мэлори, строитель Стоунхенджа в средневековом романе Робера де Борона⁵ «Мерлин», автор многочисленных пророчеств в книге Гальфрида Монмутского⁶ «*Historia Regnum Britanniae*» («История королей Британии»).

Многие писатели, в том числе Шекспир⁷, Теннисон⁸, Томас Харди, Т. Х. Уайт⁹, Мэри Стюарт, К. С. Льюис¹⁰, Николай Толстой¹¹ и Джон Стейнбек¹², обращались к этой загадочной фигуре. Но все они, за редким исключением (Мэри Стюарт) пользовались легендами о зрелых годах жизни Мерлина.

Итак, как это ни странно, детство и юность Мерлина по-прежнему покрыты мраком. Остается лишь строить догадки относительно трудностей, страхов и стремлений его ранних лет. Каковы были его самые заветные мечты? Его страсти? Каким образом он обнаружил, что обладает необыкновенными способностями? Как он справлялся с трагедиями и потерями? Как познакомился с темной стороной своей души, как принял ее? Когда впервые узнал о культе и преданиях друидов – и, кстати, древних греков? Как сумел примирить свое стремление к могуществу и ужас перед проявлениями этого могущества? Короче говоря, каким образом он превратился в мудреца и наставника короля Артура, каким мы его знаем сегодня?

Традиционные сказания не дают ответа на подобные вопросы. Высказывания, приписываемые самому Мерлину, тоже не проливают света на эту проблему. Возникает впечатление, будто он был решительно настроен умалчивать о своем прошлом. Человек, читающий артуров-

---

удонии крепость Динас-Эмрис. Но возведенные за день стены на следующую ночь разрушались. Чтобы избавиться от злых чар, прорицатели посоветовали королю принести в жертву мальчика, рожденного без отца. Этим ребенком оказался сын принцессы, юноша Мерлин, называвшийся также Амброзием. Однако Мерлин рассказал Вортигерну, что причиной неудач на самом деле является подземное озеро, где погребены два воинствующих дракона. Когда по приказу короля земля на месте стройки была раскопана, оттуда действительно вырвались два ящера, которые тут же начали драться, и красный дракон победил белого (что символизирует победу бриттов над саксами).

³ Эдмунд Спенсер (1552–1599) – английский поэт. В «Королеве фей» (1590–1596) изображены приключения рыцарей и Прекрасных дам, представляющих собой аллегории добродетелей.

⁴ «Неистовый Роланд» (1516–1532) – рыцарская поэма итальянского писателя Лодовико Ариосто. В основе произведения – предания каролингского и артуровского циклов, действие которых перенесено в Италию.

⁵ Робер де Борон (XII–XIII вв.) – французский поэт, автор рыцарских романов.

⁶ Гальфрид Монмутский (1100–1154 или 1155) – священник и писатель, автор книг «Пророчества Мерлина», «История королей Британии», «Жизнь Мерлина».

⁷ Шекспиру приписывается пьеса «Рождение Мерлина».

⁸ «Королевские идиллии» (1859–1885) – поэма Альфреда Теннисона (1809–1892).

⁹ Теренс Хэнбери Уайт (1906–1964) – английский писатель; наибольшую известность Уайту принесло произведение «Король былого и грядущего», серия романов, пересказывающая «Смерть Артура» сэра Томаса Мэлори.

¹⁰ Клайв Стейплз Льюис (1898–1963) – английский и ирландский писатель, ученый и богослов, автор «Хроник Нарнии» (1950–1956).

¹¹ Николай Дмитриевич Толстой-Милославский (р. 1935) – британский историк и политик русского происхождения; писатель. Пишет и издается под именем «Николай Толстой». Сопредседатель Королевского литературного совета, член Международного Артурианского общества, специалист по кельтской культуре. Автор книг «В поисках Мерлина» и «Пришествие короля».

¹² Имеется в виду роман Стейнбека «Деяния короля Артура и его благородных рыцарей» (1959).

ские легенды, может представить себе Мерлина старцем, сидящим рядом с мальчиком Артуром и рассеянно вспоминающим «потерянные годы» своей юности. И все же остается неясным – то ли он имеет в виду мимолетность жизни, то ли говорит об исчезнувшей главе из своего прошлого.

Что касается меня, то я считаю, что на эти «потерянные годы» Мерлин не просто исчез из мира песен и преданий. Я думаю, что он в буквальном смысле *исчез* – исчез из нашего мира.

Написанная мной серия романов призвана заполнить этот пробел. История начинается с того, что на берег Уэльса море выбрасывает мальчика, который не помнит ни своего имени, ни своего прошлого. И завершается моя эпопея в тот момент, когда возмужавший герой, успевший многое приобрести и многое потерять, готовится занять высокое положение при дворе короля Артура.

В промежутке между этими двумя эпизодами происходит немало событий. Мерлин обнаруживает у себя дар ясновидения, «второго зрения», однако за этот дар ему приходится дорого заплатить. Он учится разговаривать с животными, деревьями, реками. Он находит настоящий Стоунхендж, гораздо более древний, чем круг из камней на равнине Солсбери, возведение которого приписывается ему в легенде. Но сначала он должен узнать, что означает название Стоунхенджа на языке друидов – «Хоровод Великанов». Он исследует свой первый хрустальный грот. Совершает путешествие на затерянный в океане остров Финкайра (на гэльском языке – *Fianchuivé*); в кельтских мифах это остров, лежащий под поверхностью моря, мост между Землей, принадлежащей людям, и Миром Иным, где обитают духи и божества. Он встречается с существами, имена которых известны нам из древних сказаний – великим Дагдой¹³, злым Рита Гавром¹⁴, несчастной Элен¹⁵, загадочной Домну¹⁶, мудрым Каирпре¹⁷ и жизнерадостной Рией. Он также знакомится с другими, менее знаменитыми жителями острова – Шимом, Стангмаром, Тэйлеаном, Гарлатой и Великой Элузой. Он многое узнает на волшебном острове. Например, для того, чтобы видеть мир таким, каков он есть, недостаточно человеческого зрения; истинная мудрость часто объединяет противоположные качества, например, веру и сомнение, мужское и женское начала, свет и тьму; настоящая любовь приносит как радость, так и горе. И самое главное – он получает имя «Мерлин».

Я хочу выразить благодарность Карри, моей жене и лучшему другу за то, что она охраняла мой покой во время работы; нашим шумным и шустрым детям Денали, Брукс, Бену, Россу и Ларкину за неистощимое чувство юмора и бесконечное любопытство; Патрисии Ли Гош за ее твердую веру во власть романа над воображением читателей; Виктории Акорд и Патрисии Вейнека за неоценимую помощь; Синтии Кройц-Ур за ценные разъяснения относительно происхождения мифов; а также всем, кто помогал мне во время создания эпопеи, особенно Мадлен Л'Энгл, Дороти Маркинко и М. Джерри Вайсу; всем бардам, поэтам, сказителям и ученым, которые внесли свой вклад в создание легенды о Мерлине; и, разумеется, самому таинственному волшебнику.

Итак, читатель, прошу тебя последовать за мной в мир Мерлина и познакомиться с повествованием о его потерянных годах. В этом путешествии ты – зритель, я – летописец, а

---

¹³ Дагда – божество ирландской мифологии, один из главных богов Племен богини Дану (мифической «расы», правившей Ирландией до прихода людей). Атрибутами Дагды считались котел, в котором никогда не иссякала еда, и дубина, которой он поражал врагов.

¹⁴ Согласно валлийской легенде, кровожадный гигант Рита Гавр (буквально «Рита Великан») некогда правил в Сноудонии. Король Артур, победив его в поединке, приказал возвести над телом каменную насыпь. Именно эту насыпь теперь называют горой Сноудон (Ир Видва, в переводе с валлийского «курган»).

¹⁵ В эпосе «Мабиногион» Элен, или Елена – дочь бриттского вождя из Сегонтиума, римского города неподалеку от современного Карнарвона, и, согласно легенде, жена римского императора Максена Вледига (император Магн Максим, 335–388, годы правления 383–388). Елена из Карнарвона – валлийская святая.

¹⁶ В ирландской мифологии Домну – богиня фоморов, мифических существ, представлявших темные силы хаоса.

¹⁷ В ирландских легендах Каирпре – сын бога Огма, бард Племен богини Дану.

сам Мерлин станет нашим проводником. Но будем внимательны и подготовимся к неожиданностям, потому что волшебники, как я уже говорил, умеют удивлять.

Т. А. Б.

Тот, кто создал жизнь и свет,
Землю, воду, воздух, хлеб,
Благословит простых людей,
Что внемлют повести моей.
Рассказ мой будет посвящен
Тому, как Мерлин был рожден,
И мудростью был наделен;
И всем событиям тех времен,
Что видел в землях наших он.

Из баллады XIII в. «Об Артуре и Мерлине»

Пролог

Когда я закрываю глаза и начинаю дышать медленно, в такт приливу, я живо вспоминаю тот далекий день. Он был суровым, холодным, полным одиночества и лишенным надежды; и когда я вспоминаю его, мне снова кажется, что я задыхаюсь, и я отчаянно хватаю ртом воздух.

С тех пор в жизни моей было много таких дней – у меня сейчас нет сил считать их. И все же тот день сияет в моей памяти ярко, как сам Галатор, я помню его так же четко, как тот день, когда узнал свое имя, как день, когда впервые взял на руки дитя по имени Артур. Возможно, я помню его в мельчайших подробностях потому, что эта боль, подобно шраму у меня на сердце, никогда не исчезнет. Или потому, что он ознаменовал собой конец целой эпохи в моей жизни. Или, может быть, потому, что он был не только последним днем, но и первым – первым днем моих потерянных лет.

* * *

Темные волны бороздили поверхность океана. Вдруг над водой показалась рука.

Волна вздымалась все выше, к небу, такому же угрюмому и серому, как море, и рука тоже тянулась вверх. Вокруг запястья образовался «браслет» из пены, пальцы в отчаянии искали, за что ухватиться, но не могли ничего найти. Рука была маленькой. Это была рука слабого существа, слишком слабого, чтобы продолжать борьбу.

Рука принадлежала мальчику.

Раздался громкий плеск, и волна устремилась к берегу. На мгновение она остановилась, замерла между океаном и сушей, между суровой Атлантикой и коварными скалами Уэльса, известного в те дни под названием Гвинед. Затем плеск сменился оглушительным ревом, волна обрушилась на берег и швырнула обмякшее тело мальчика на черные камни.

Он ударился головой об острый выступ скалы – с такой силой, что ему раскроило бы череп, если бы голову не защищали густые волосы. И остался лежать совершенно неподвижно; лишь ветер, гонимый следующей волной, слегка шевелил черные пряди, слипшиеся от крови.

Растрепанная чайка, заметив безжизненное тело, перепрыгнула через кучу камней и приблизилась, чтобы рассмотреть утопленника. Она подошла к голове мальчика, ухватила клювом длинную водоросль, обмотавшуюся вокруг его уха. Водоросль не поддавалась, и птица принялась тянуть и дергать за нее, издавая сердитые крики.

Наконец, чайке удалось оторвать водоросль, и она с торжествующим воплем прыгнула на обнаженную руку. Тело, которое едва прикрывала изорванная, мокрая коричневая туника, казалось таким маленьким – даже для семилетнего мальчика. Однако, взглянув на его лицо, можно было подумать, что он намного старше – возможно, дело было в форме лба или морщинах у глаз.

Внезапно мальчик закашлялся; его вырвало морской водой, затем снова начался приступ кашля. Чайка с резким криком выронила водоросль и, захлопав крыльями, поднялась на скалу.

Мальчик несколько мгновений лежал неподвижно. Во рту у него стоял вкус тины и рвоты, на зубах скрипел песок. Он чувствовал мучительную пульсирующую боль в затылке, острые камни впивались в тело. Затем его снова одолел кашель, изо рта хлынула морская вода. Он с трудом втянул в себя воздух. Сделал второй вдох, третий. Тонкие пальцы медленно сжались в кулак.

Волны накатывали на берег и отступали, накатывали и отступали. Так прошло долгое время, и крошечная искорка жизни в теле мальчика вот-вот готова была погаснуть. Он чув-

ствовал лишь боль, и мысли его были пусты. Как будто он утратил самого себя. Или как будто в сознании его возникла некая стена, за которой скрылись все чувства, и остался только страх.

Дыхание его замедлилось, пальцы разжались. Он сделал резкий вдох, словно собрался снова закашляться, но затем обмяк, как мертвый.

Чайка приближалась осторожно, мелкими шажками.

И в этот момент луч энергии, возникший неизвестно откуда, пронизал его тело. Оказалось, что он еще не готов умирать. Мальчик снова пошевелился, сделал вдох.

Чайка остановилась.

Он открыл глаза; дрожа от холода, перевернулся на бок. Почувствовал, что на язык попал песок, и хотел его выплюнуть, но ничего не получилось – он лишь снова ощутил позыв к рвоте от тошнотворного привкуса водорослей и морской воды во рту.

Собрав все силы, мальчик поднял руку и вытер рот остатками рукава. Затем ошупал свежую шишку на затылке, поморщился. Заставил себя приподняться, уперся локтем в камень и сел.

Так сидел он, слушая шум волн и шорох камней. На мгновение ему показалось, что сквозь мерные удары волн и пульсирующую в черепе боль донесся какой-то звук – возможно, голос. Голос из иных времен, из иного мира – но он не помнил, какого именно.

Внезапно на него обрушилось сознание того, что он не помнит *ничего*. Ни откуда он пришел. Ни матери. Ни отца. Ни собственного имени. *Имя*. Как он ни старался, ему не удалось вспомнить. *Имя*.

– Кто я?

Услышав это восклицание, чайка издала пронзительный крик и взлетела.

Заметив свое отражение в лужице, мальчик присмотрелся. Перед ним маячило незнакомое лицо, принадлежавшее ребенку, которого он никогда не видел. Глаза, как и волосы, были совершенно черными, с золотыми искорками. Уши, почти треугольной формы, заостренные сверху, казались необычно большими по сравнению с лицом. Лоб тоже был слишком высоким. А нос – наоборот, тонким, небольшим, скорее похожим на клюв. Лицо выглядело каким-то несообразным, словно было составлено из черт разных людей.

Мальчик снова собрался с силами и поднялся на ноги. Голова закружилась, и он, опершись на острую скалу, подождал, пока тошнота не пройдет.

Он окинул взглядом пустынное побережье. Повсюду громоздились камни, груды обломков, образовывавших нечто вроде черной стены, которая отгораживала сушу от моря. В стене этой была только одна брешь, и то небольшая – у подножия древнего дуба. Серая кора облезла, но вековое дерево уцелело под напором штормов. В стволе виднелась глубокая дыра, выжженная много лет назад. С годами ветви и сучья пригнулись к земле, от некоторых остались лишь обломки. И все же дуб стоял, крепко вцепившись корнями в землю, не поддаваясь волнам и ветру. За дубом виднелась темная рощица более молодых деревьев, а дальше чернели отвесные скалы.

Мальчик в отчаянии искал вокруг что-то знакомое, что-то такое, что помогло бы ему вспомнить. Но он не узнавал ничего.

Тогда он обернулся к морю, обдававшему его солеными брызгами, от которых щипало лицо. Волна за волной обрушивалась на гальку, волна за волной. Впереди, насколько он мог видеть, не было ничего – лишь бесконечные серые валы до самого горизонта. Он снова прислушался, стараясь расслышать таинственный голос, но до него донесся лишь далекий крик чайки-моевки, приростившейся на скале.

Неужели он пришел откуда-то с той стороны, из-за моря?

Он яростно потер голые руки, чтобы унять дрожь. Заметил на камне слипшуюся массу морских водорослей, поднял их. Он знал, что недавно этот безжизненный зеленый комок исполнял на дне морском свой изящный танец, но затем волны вырвали водоросль и унесли ее

с собой. И теперь она жалко обвисла в его руках. Он подумал – зачем кому-то понадобилось вырвать его из того места, где он жил прежде, и что же это за место?

Внезапно до него донесся негромкий стон. Снова тот голос! Он шел со стороны скал, громоздившихся за древним дубом.

Мальчик бросился в том направлении и в первый раз ощутил тупую боль между лопатками. Он решил, что ударился о камни не только головой, но и спиной. И в то же время ему почему-то показалось, что эта боль идет изнутри, словно давным-давно ему нанесли ужасную рану, которая не зажила до сих пор.

Двигаясь неверными шагами, он добрался до векового дерева. С сильно бьющимся сердцем прислонился к могучему стволу. И снова услышал загадочный стон. И снова тронулся в путь.

Множество раз босые ноги мальчика скользили по влажным камням, и он терял равновесие. Но он шел вперед, спотыкаясь, пошатываясь, и рваная туника хлопала его по ногам; он напоминал нескладную морскую птицу, пробирающуюся по каменистому берегу. И все это время он не переставал думать о своем положении одинокого ребенка без имени, без дома.

А потом он увидел ее. Среди камней было распростерто тело женщины, и совсем рядом с ее лицом блестела лужа воды, оставшейся после прилива. Длинные распущенные волосы цвета золотой летней луны окружали ее голову, словно лучи света. У нее были высокие скулы, кожа молочно-белого цвета, слегка тронутая синевой. Длинное синее платье было порвано в нескольких местах и перепачкано водорослями и песком. Однако, рассмотрев дорожную шерстяную ткань платья, драгоценную подвеску на кожаном шнурке, висевшую на шее у неизвестной, мальчик понял, что эта женщина богата и занимает высокое положение.

Мальчик поспешил к ней. Женщина снова застонала, и этот стон был полон невыносимой боли. Он почти чувствовал ее боль, но одновременно ощутил пробуждающуюся надежду. «Знаю ли я ее?» – спросил он себя, склоняясь над безжизненным телом. А затем где-то в глубине души возник второй, полный тоски вопрос: «Знает ли она меня?».

Пальцем он прикоснулся к ее щеке, холодной, как морская вода. Она несколько раз судорожно, с трудом втянула в себя воздух. Он прислушался к ее слабому стону и со вздохом признался себе, что для него эта женщина – незнакомка.

И все-таки, рассматривая ее лицо, мальчик не мог изгнать из сердца надежду на то, что она прибыла к этим берегам вместе с ним. Если ее не выбросила та же самая волна, то, возможно, они хотя бы явились из одного и того же места. Возможно, если женщина останется в живых, она сможет заполнить пустоту в его воспоминаниях. Может, ей даже известно его имя! Или имена его отца и матери. А может быть... может быть, это *она* – его мать.

Ледяная волна коснулась ног мальчика. Он снова задрожал и почувствовал, что надежда оставляет его. Наверное, женщина умрет; но даже если она останется в живых, то вряд ли узнает его. И, разумеется, она не может быть его матерью. Это было бы уже слишком. А кроме того, она совершенно на него не похожа. Она была поистине прекрасна, даже на пороге смерти – прекрасна, как ангел. А он видел свое отражение и знал, как выглядит он сам. Он отнюдь не напоминал ангела – скорее, чумазого дьяволенка.

За спиной у него раздалось рычание.

Мальчик резко развернулся, и внутри у него все сжалось. На краю сумрачной роши, среди теней, стоял огромный дикий кабан.

Снова издав низкий, зловещий рык, чудовище начало приближаться. Все тело его покрывала жесткая бурая шерсть, блестели лишь глаза, да по передней левой ноге змеился серый шрам. Клыки, острые, словно кинжалы, почернели от крови предыдущей жертвы. Однако еще больший страх наводили красные глазки зверя, горящие, словно уголья.

Несмотря на немалый вес, кабан двигался проворно, даже с легкостью. Мальчик попятился. Зверюга весила в несколько раз больше него. Кабан мог одним пинком швырнуть его на

землю, одним движением челюстей разорвать на кусочки. Зверь резко остановился и напряг могучие мускулы, готовясь к прыжку.

Мальчик оглянулся, но позади него тянулось лишь бескрайнее море, изборожденное волнами. Отступать было некуда. Он схватил с земли искривленный сук, вынесенный на берег приливом, хотя понимал, что с его помощью не сможет даже поцарапать чудовище. Но, несмотря на это, он постарался тверже стать на ноги, приготовился отразить нападение.

А затем вспомнил. Дупло в старом дубе! Хотя дерево находилось примерно посередине между ним и кабаном, он решил, что успеет добежать туда первым.

Он бросился было к дубу, затем резко остановился. Женщина. Нельзя оставлять ее одну. Но если он помедлит хоть чуть-чуть, то ему грозит смерть. Поморщившись, он отбросил свою палку и схватил безжизненные руки утопленницы.

Напрягая последние силы, едва держась на подгибавшихся ногах, мальчик попытался приподнять ее с камней. Но, либо от воды, которой наглоталась женщина, либо оттого, что она была уже практически мертва, тело оказалось тяжелым, как камень. Тем не менее, под огненным взглядом кабана мальчик продолжал тащить ее за руки, и, наконец, тело сдвинулось с места.

Мальчик поволок женщину к дереву. Острые камни врезались в его босые ноги, сердце бешено колотилось, в голове словно отдавались удары молота, но он продолжал тащить за собой тяжелое тело.

Кабан снова зарычал, и на этот раз рык его походил на хриплый смех. Все тело его напряглось, ноздри раздувались, блестели клыки. А в следующее мгновение он напал.

Несмотря на то, что от спасительного дерева мальчика отделяли всего несколько футов, что-то удержало его от бегства. Он схватил острый камень и швырнул его, метя в голову кабана. Тот был уже совсем близко, но внезапно отскочил в сторону, и брошенный камень, просвистев у него над головой, ударился о землю.

Мальчик удивился и решил, что зверь, наверное, все-таки испугался человека; он наклонился за вторым камнем. Но затем какое-то шуршание за спиной заставило его обернуться.

Из кустов, окружавших древнее дерево, выскочил гигантский олень бронзового цвета – лишь ноги внизу были белыми, как снег. Олень наклонил голову, увенчанную могучими рогами со смертоносными остриями, и прыгнул на кабана. Но тот вовремя бросился в сторону и сумел избежать столкновения.

Кабан рычал и бил копытом о землю, но олень снова атаковал. Воспользовавшись этим, мальчик потащил безжизненное тело женщины в дупло. Он прижал ее колени к животу, и, сложив тело пополам, сумел целиком уместить его в нору. Ствол, обугленный после какого-то давнего пожара, окружал ее, подобно огромной черной раковине. Мальчик сумел уместиться в тесном пространстве, оставшемся рядом, а в это время кабан и олень кружили на одном месте, рыли копытами песок и гневно фыркали.

Глазки кабана загорелись, он притворился, будто собирается напасть на врага, но сам рванулся к дереву. Мальчик, скрючившийся в дупле, попытался забиться еще дальше. Но лицо его находилось совсем близко к отверстию, окруженному сморщенной корой, и он чувствовал горячее дыхание твари, яростно терзавшей клыками ствол. Клык задел лицо мальчика, едва не выколол глаз.

Мгновение спустя рога оленя впились в плоть кабана. Огромное чудовище взлетело в воздух и рухнуло на бок рядом с кустами. Из раны на ноге хлестала кровь, но все же кабан поднялся.

Олень наклонил голову, готовясь к следующему выпаду. Однако кабан, помедлив лишь мгновение, взревел в последний раз и отступил в рощу.

Олень медленно, грациозно обернулся к мальчику. На краткий миг взгляды их встретились. И вдруг мальчик понял, что самым четким его воспоминанием о дне чудесного спасения

останется именно эта картина: бездонные, немигающие карие глаза оленя, глубокие и загадочные, словно морские глубины.

Затем олень перепрыгнул через корявые корни дуба и исчез так же внезапно, как и появился.

Часть первая

Глава 1 Живой камень

Я стою в одиночестве под звездами.

Все небо охвачено пламенем, как будто рождается новое солнце. Люди с воплями разбегаются в разные стороны. Но я стою на месте, будучи не в силах пошевелиться, не в силах даже вздохнуть. А потом на фоне огненного неба я вижу дерево, темное, как ночь. Горящие ветви извиваются, подобно ядовитым змеям. Они тянутся ко мне. Они приближаются. Я хочу бежать, но не могу – ноги словно приросли к месту. Мое лицо горит! Я закрываю глаза, я кричу.

Мое лицо! Мое лицо горит!

* * *

Я проснулся. Глаза щипало от пота. Соломинка из тюфяка царапала мне лицо.

Поморгав, я сделал глубокий вдох и вытер щеки ладонями. Руки показались мне ледяными – таким горячим было мое лицо.

Я вытянул руки в стороны и снова ощутил ту боль между лопатками. Все еще болит! Как мне хотелось, чтобы эта боль оставила меня! Почему она беспокоит меня до сих пор, ведь прошло больше пяти лет с того дня, как меня вынесло на берег? Раны на голове давно уже зажили, хотя я так и не вспомнил ничего из своей жизни до того момента, когда меня выбросило на прибрежные камни. Так почему же эта боль никак не уйдет? Я пожал плечами. Я понимал, что никогда не узнаю этого – как и многих других вещей.

Я начал запихивать высыпавшуюся солому обратно в тюфяк и нащупал муравья, который тащил дохлого червяка в несколько раз тяжелее себя. Я едва не рассмеялся, глядя на то, как насекомое пытается перебраться через крошечное препятствие – соломинку, преграждавшую ему путь. Он легко мог бы обойти ее с той или другой стороны. Но нет. Некая загадочная сила побуждала его идти напролом; он пытался перелезть, опрокидывался на спину, поднимался, снова лез и снова падал. Несколько минут я наблюдал за его тщетными попытками.

В конце концов, мне стало жаль малютку. Я хотел было схватить его за лапку, но сообразил, что могу ее нечаянно оторвать, особенно если муравей начнет сопротивляться. Поэтому я взял червяка. Как я и ожидал, муравей вцепился в свою добычу и не отпускал ее, отчаянно размахивая лапами.

Я перенес муравья и его ношу через соломинку, осторожно опустил их с другой стороны. К моему удивлению, когда я выпустил червяка, муравей тоже отцепился от него. Он повернулся ко мне, неистово размахивая крошечными усиками. У меня возникла твердая уверенность в том, что он бранит меня.

– Прошу прощения, – прошептал я, ухмыляясь.

Муравей еще несколько мгновений ругался, затем ухватил червяка и поволок свою гигантскую добычу прочь. К себе домой.

Моя улыбка погасла. А где же мне искать свой дом? Если бы только я знал, куда мне идти, я смог бы утащить за собой не только этот тюфяк, но и всю хижину, если нужно.

Я поднял голову, взглянул в окно, пробитое в стене над моей постелью, и увидел полную луну, сиявшую ослепительно, словно котел с расплавленным серебром. Лунный свет, проникая

в окно, сквозь прорехи соломенной крыши, окрашивал внутренность хижины своей мерцающей кистью. На миг сияние небесного светила преобразило убогую комнатку, набросило на земляной пол серебряное покрывало, осыпало грубые глинобитные стены яркими искорками и озарило фигуру спавшей в углу женщины ангельским светом.

Но я знал, что все это обман, игра воображения, как и мой сон. Пол был лишь слоем грязи, кровать – кучей соломы, жилище – лачугой из переплетенных веток, замазанных глиной. Даже крытый загон для гусей, находившийся неподалеку, был уютнее! Я это знал, потому что иногда ночевал там – когда гогот и шипение птиц казались мне более приятными, чем брань и пустая болтовня людей. В феврале в птичнике было теплее, чем в нашей хижине, а в мае – суше. Но пусть я не заслуживал лучшего, чем гуси, никто не усомнился бы в том, что Бранвен¹⁸ достойна настоящего дома.

Я взглянул на спящую. Дыхание ее было таким легким, едва заметным, и шерстяное одеяло, укрывавшее ее, почти не шевелилось; казалось, она обрела мир и покой. Увы, я знал, что это было не так. Возможно, во сне ей и удавалось найти покой, но днем она была лишена этого благословенного дара.

Она пошевелилась во сне, перевернулась лицом ко мне. В свете луны она казалась еще более прекрасной, чем всегда; на лице с безупречно белой кожей застыло безмятежное выражение, как бывало только в те ночи, когда ей не снились кошмары. Или в минуты молчаливой молитвы, наступавшие все чаще.

Я нахмурился, глядя на нее. Если бы только она заговорила! Рассказала мне все, что ей известно! Если она что-то и знала о нашем прошлом, она отказывалась говорить об этом. Я не мог бы сказать, почему – оттого ли, что она действительно ничего не знала, или оттого, что просто не желала делиться со мной.

И за пять лет, что мы делили с ней эту хижину, о себе она рассказала не больше. Я вообще едва знал ее – мне оставались лишь мягкие прикосновения ее руки, вечная печаль, которую я видел в ее взгляде. Но я твердо знал одно: несмотря на то, что она называла меня сыном, она не была моей матерью.

Откуда взялась эта уверенность в том, что она мне не мать? Я просто знал это, мне подсказывало сердце. Она была необыкновенно скрытной, держалась отстраненно. Наверняка мать, настоящая мать, не стала бы вести себя с собственным сыном, как с чужим. А самым надежным доказательством служило ее лицо. Такое прекрасное – и такое непохожее на мое. Я не мог унаследовать от нее черные глаза, заостренные уши! Нет, я такой же сын ей, как гуси в загоне – мои братья и сестры.

И еще я не верил в то, что ее настоящее имя – Бранвен, а мое – Эмрис¹⁹, хотя она пыталась меня в этом убедить. Я понятия не имел, какие имена носили мы до того дня, когда море вышвырнуло нас на прибрежные камни, но почему-то был уверен, что нас звали иначе. Сколько бы она ни называла меня Эмрисом, я никак не мог избавиться от чувства, что мое настоящее имя... другое. Но я понятия не имел, где искать правду, разве что среди зыбких теней в моих сновидениях.

Однако бывали моменты, когда Бранвен, если это было ее настоящее имя, слегка приподнимала завесу, скрывавшую ее прошлое; это случалось, когда она рассказывала мне истории. Особенно истории, дошедшие до нас со времен древних греков. Это явно были ее любимые

---

¹⁸ В эпосе «Мабиногион» Бранвен, дочь Ллира – сестра короля Британии. Бранвен вышла замуж за Матолха, короля Ирландии. После свадьбы брат Бранвен, «вздорный муж», оскорбил ее супруга. Родичи Матолха заставили его изгнать жену из своего дома и подвергали ее жестокому оскорблению и унижению. Из-за этого между Британией и Ирландией разгорелась кровопролитная война, и Бранвен умерла от горя.

¹⁹ Эмрис – валлийская форма имени Амброзий. Амброзий Аврелиан – военачальник бриттов в V в., возможный прототип короля Артура или Мерлина, у Гальфрида Монмутского – дядя Артура, брат Утера.

сказания. И мои тоже. Возможно, она сама не осознавала этого, но она буквально оживала, рассказывая о богах и титанах, о чудовищах и подвигах героев греческих мифов.

Конечно, она любила говорить и о жрецах-друидах, и о таинственном бродяге из Галилеи. Но когда она заводила речь о греческих богах и богинях, в ее сапфировых глазах загорался какой-то особенный свет. Временами мне казалось, что, пересказывая мне мифы, Бранвен погружалась в размышления о некоем месте, в существование которого искренне верила – о месте, где по лесам и полям блуждают неведомые существа, а могущественные боги живут и действуют среди людей. Мне подобные выдумки казались глупыми, но она, очевидно, считала иначе.

Я заметил, как луч луны сверкнул у нее на шее, и это прервало течение моих мыслей. Я знал, что это всего лишь блестит ее драгоценная подвеска, которую она носила на кожаном шнурке, но сегодня зеленый свет показался мне ярче обычного. Я ни с того ни с сего вспомнил, что она никогда не снимала эту подвеску – ни на секунду.

Что-то упало на земляной пол у меня за спиной. Обернувшись, я разглядел перевязанный травой пучок узких сухих листьев, посеребренных луной. Должно быть, листья свалились с балки, тянувшейся под крышей, которая не только поддерживала соломенную кровлю, но и служила хранилищем для дюжин связок всяческих трав, листьев, цветов, кореньев, орехов, мешочков с корой и семенами. Это была лишь часть запасов Бранвен – еще множество узелков с травами и кореньями висело на окне, за дверью, громоздилось на хромоногом столике у ее тюфяка.

В хижине сильно пахло тимьяном, корнями бука, горчичным семенем и много чем еще. Мне нравились эти ароматы – все, кроме укропа, от которого я начинал чихать. Запах кедровой коры, мой любимый, заставлял меня чувствовать себя высоким, как великан, от запаха лепестков лаванды почему-то щекотало пальцы ног, а запах морских водорослей напоминал мне о чем-то давно забытом.

Все эти травы Бранвен использовала для приготовления целебных порошков, мазей и припарок. На столе ее теснились всевозможные чаши, ножи, ступки, пестики, сита и прочие принадлежности. Часто я наблюдал за тем, как она толчет листья, смешивает порошки, процеживает отвары, лечит раны и выводит бородавки. Но, тем не менее, о ее ремесле я знал не больше, чем о ней самой. Она позволяла мне сидеть рядом и смотреть, но сама молчала и ничего не объясняла. Она просто делала свое дело, обычно напевая какую-нибудь таинственную песню.

Где она научилась искусству врачевания? Откуда узнала она такое множество историй о далеких странах и давно минувших временах? Где впервые услышала она об учении человека из Галилеи, которое все больше занимало ее мысли? Она никогда не говорила об этом.

Не только меня смущало ее молчание. Часто жители деревни перешептывались у нее за спиной, пораженные ее врачевным искусством, ее сверхъестественной красотой, ее странными заклинаниями. Несколько раз я даже слышал слова «колдовство» и «черная магия»; но толки о колдовстве, по-видимому, не мешали людям обращаться к ней, когда нужно было вылечить нарыв, избавиться от кашля или ночных кошмаров.

Саму Бранвен не волновали пересуды соседей. Пока большинство людей платили за помощь, и мы могли сводить концы с концами, ей было безразлично, что о ней говорят или думают. Я вспомнил, как недавно ей пришлось лечить пожилого монаха – тот поскользнулся на мокром каменном мосту у мельницы и поранил руку. Перевязывая рану, Бранвен произнесла христианское благословение, и монах, казалось, остался доволен. Однако затем она добавила заклинание друидов, и монах выбранил ее и предупредил, что это богохульство. Она спокойно ответила, что сам Иисус считал исцеление больных настолько важным делом, что охотно воспользовался бы при необходимости мудростью друидов или иных народов, теперь называемых

языческими. После этого монах разозлился, сорвал ее повязку и ушел, перед этим успев предупредить половину деревни о том, что лекарка – пособница дьявола.

Мысли мои вернулись к подвеске. Она, казалось, светилась собственным внутренним светом, а не только отражала лучи луны. Впервые я заметил, что кристалл, красовавшийся посередине, не просто зеленого цвета, как я считал раньше. Наклонившись ближе, я рассмотрел фиолетовые и синие завитки, мерцавшие под поверхностью, алые искорки, пульсировавшие, словно тысячи крошечных сердец. Кристалл походил на глаз живого существа.

«Галатор. – Слово это неожиданно возникло у меня в мозгу. – Он называется Галатор».

Я в недоумении покачал головой. Откуда взялось это слово? Я не помнил, чтобы кто-нибудь произносил его при мне. Должно быть, я услышал его на деревенской рыночной площади, где звучало множество наречий – кельтское, саксонское, латинское, гэльское и другие, еще более странные, где они сталкивались и сливались. А может быть, я слышал его в какой-нибудь легенде, рассказанной Бранвен – в них часто встречались слова из греческого, еврейского языков, языка друидов и прочих.

– Эмрис!

Ее резкий шепот перепугал меня, и я даже подскочил на месте. На меня смотрели синие, как небо, глаза женщины, которая делила со мной жилище и хлеб – но больше ничего.

– Отчего ты проснулась?

– Не знаю. Ты странно смотрел на меня.

– Не на тебя, – ответил я. – Я смотрел на твою подвеску. – Повинуясь странному импульсу, я добавил: – На твой *Галатор*.

Бранвен ахнула и быстрым движением спрятала кристалл за ворот платья. Затем, изо всех сил стараясь говорить спокойно, произнесла:

– Не помню, чтобы я упоминала при тебе такое название.

Я распахнул глаза.

– Ты хочешь сказать, что это настоящее слово? Что это верное слово?

Она задумчиво рассматривала меня, открыла было рот, чтобы что-то сказать, но удержалась.

– Тебе надо идти спать, сын мой.

Когда я услышал это слово, с которым она обращалась ко мне, меня охватило обычное в таких случаях раздражение.

– Я не могу уснуть.

– Может, рассказать тебе что-нибудь? Можно закончить историю про Аполлона.

– Нет. В следующий раз.

– Тогда я сварю тебе снотворное зелье.

– Нет уж, спасибо. – Я покачал головой. – Я помню, как ты сварила зелье для сына кровельщика, и потом он спал три с половиной дня.

Она улыbnулась уголками губ.

– Бедный дурачок выпил сразу порцию, рассчитанную на неделю.

– Ну неважно – все равно скоро рассвет.

Она натянула на себя грубое шерстяное одеяло.

– Хорошо, если ты не хочешь спать, я хочу.

– Пока ты не заснула, расскажи мне еще об этом слове! Гал... забыл, как же дальше?

Бранвен притворилась, что не слышит меня, закуталась в свое обычное покрывало молчания, укрылась шерстяным одеялом и снова закрыла глаза. Через несколько секунд она, казалось, уснула. Но мирное выражение, которое я недавно видел на ее лице, исчезло.

– Неужели ты не можешь мне сказать?

Она не пошевелилась.

– Почему ты никогда не помогаешь мне? – заныл я. – Мне нужна твоя помощь!

Но она лежала все так же неподвижно.

Некоторое время я уныло смотрел на нее, затем слез с тюфяка, поднялся на ноги и умыл лицо водой из большой деревянной чаши, стоявшей у двери. Оглянувшись на Бранвен, я ощутил новый приступ гнева. Почему она никогда не отвечает мне? Почему она не хочет мне помочь? И все же, глядя на нее, я почувствовал слабый укол вины из-за того, что так ни разу и не смог заставить себя назвать ее матушкой – а ведь я знал, как это обрадует ее. Но с другой стороны... какая же она мать, если не хочет помочь своему сыну?

Я взялся за веревочную ручку двери. Зашуршала трава, дверь отворилась, и я вышел из хижины.

Глава 2

Сова приближается

Луна почти зашла, и небо на западе потемнело. Тускнеющие серебристые полосы окаймляли тяжелые облака, нависшие над деревней Каэр Ведвид. В полутьме округлые крыши домиков, крытые соломой, походили на кучку валунов. Где-то поблизости блеяли ягнята. Мои друзья, гуси, начали просыпаться. В зарослях папоротника дважды прокуковала кукушка. С ветвей дубов и ясеней капала роса, свежий аромат пролески смешивался с запахом влажного тростника.

Стоял май, а в мае перед рассветом даже самая убогая деревня кажется прекрасной. Я вытащил колючку из рукава туники, прислушиваясь к голосам леса. Май был моим самым любимым месяцем. Цветы открывали свои личики солнцу, рождались телята, распускались листья. И вместе с растениями буйно расцветали мои мечты. Иногда в майский день мне удавалось отогнать прочь сомнения, и я верил, что однажды узнаю правду. О том, кто я такой, откуда я пришел. Если не от Бранвен, то от кого-нибудь другого.

В мае все казалось мне возможным. Если бы только я научился управлять самим временем! Как хотел я, чтобы май стоял круглый год! Или чтобы можно было возвращаться в прошлое, чтобы за последним днем месяца снова следовало первое число, и все начиналось сначала.

Я прикусил губу. Я знал, что даже в самое прекрасное время года эта деревня всегда будет вызывать у меня отвращение. Это не мой дом. Раннее утро было самым лучшим временем суток – до того момента, пока лучи солнца не освещали убогие хижины и враждебные лица. Подобно большинству деревушек в этой холмистой, покрытой густыми лесами местности, Каэр Ведвид была обязана своим существованием старой римской дороге. Наша дорога шла вдоль северного берега реки Тауи, которая спустя некоторое время сворачивала на юг и бежала к морю. Когда-то по этой дороге нескончаемым потоком двигались римские солдаты, а сейчас на ней попадались в основном нищие и бродячие торговцы. Дорогу использовали для бечевой тяги, лошади тащили вниз по реке баржи с зерном, по ней шли пилигримы в храм Святого Петра, в город Каэр Мирддин²⁰, расположенный на юге, и еще – я хорошо это помнил – река вела к морю.

В кузнице под гигантским дубом загремели какие-то железные инструменты. С дороги послышался стук копыт лошади, впряженной в баржу, побрякивала уздечка. Обычно в базарный день деревенские собирались на площади под дубом, где сходились три главные улицы. Скоро здесь начнется шум: голоса торговцев, споры из-за цены, крики зазывал и, разумеется, жалобы ограбленных покупателей.

Я прожил здесь пять лет, но селение по-прежнему оставалось для меня чужим. Почему? Возможно, из-за того, что все – от местных богов до местных имен – постоянно изменялось, и изменялось быстро. Недавно прибывшие саксы уже называли гору Ир Видва, белая вершина которой была видна отовсюду, «Снежным холмом», или «Сноудоном». Точно так же люди теперь называли эту местность, исстари известную как Гвинед, «страной Уэльс». Но слово «страна» подразумевает некое единство, которого не существовало на самом деле. Если вспомнить количество людей, ежедневно проходивших через нашу крошечную деревушку, и количество наречий, на которых они говорили, то Уэльс можно было считать скорее не страной, а каким-то перевалочным лагерем.

---

²⁰ Современный Кармартен, город на юго-западе Уэльса, на реке Тауи.

Спускаясь по тропе к мельнице, я заметил последние отблески лунного света, касавшиеся склонов горы Ир Видва. Звуки, доносившиеся из пробуждавшейся деревни, заглушал плеск воды под каменным мостом. Заввакала лягушка – где-то у мельницы, единственного здания в деревне, возведенного из настоящего кирпича.

Внезапно в мозгу у меня раздался чей-то негромкий голос, он прошептал: «Сова приближается».

Я развернулся как раз вовремя, чтобы заметить квадратную голову и широкие бурые крылья – птица пронеслась мимо меня стремительно, словно ветер, и бесшумно, как сама смерть. Мгновение спустя она камнем упала в траву за мельницей, и когти ее впились в беззащитную жертву.

«На ужин у нее будет горноста́й». Я улыбнулся, довольный тем, что мне откуда-то стало известно о приближении совы и о том, что ее невидимая добыча – именно горноста́й. Откуда я узнал об этом? Я понятия не имел. Я просто знал, и все. И решил, что любой человек, обладавший элементарной наблюдательностью, тоже догадался бы об этом.

Однако в последнее время я все чаще задумывался о своей странной проницательности. Иногда я действительно на шаг опережал других людей, как будто предчувствовал будущее. Этот дар, если его можно было так назвать, я заметил у себя всего несколько недель тому назад, поэтому я совершенно не понимал, что происходит. И никому не рассказывал об этом, даже Бранвен. Возможно, думал я, это лишь череда удачных совпадений. Однако, если это на самом деле было нечто большее, моя способность, по крайней мере, сулила какое-то развлечение. И даже могла оказаться полезной в трудную минуту.

Только за день до этого я увидел, как несколько деревенских мальчишек носятся друг за другом с палками, изображавшими мечи. На краткое мгновение мне захотелось поиграть с ними. Затем вожак, Динатий, заметил меня и набросился на меня прежде, чем я успел убежать. Мне никогда не нравился этот Динатий, который после смерти матери пошел в подручные к кузнецу. Он казался мне ничтожным, глупым и злобным. Но я старался ничем не обижать и не задевать его – отнюдь не из доброты, а потому, что он был намного старше и крупнее меня, да и любого другого мальчишки в деревне. Не раз я видел, как он получал увесистые оплеухи от кузнеца за лень и небрежность, и не менее часто мне приходилось наблюдать, как Динатий лупит более слабого. Однажды он сильно обжег руку другому мальчишке, который осмелился усомниться в его происхождении от римлянина.

Все это промелькнуло у меня в мозгу вчера, когда я пытался увернуться от противника. В этот миг я случайно заметил чайку, летевшую очень низко у нас над головами. Я указал на птицу и закричал: «Смотри! Манна небесная!» Динатий поднял голову, и как раз вовремя – птица уронила необыкновенно вонючий подарочек, который угодил моему обидчику прямо в глаз. Пока он бранился и вытирал лицо, а остальные мальчишки хохотали, я успел сбежать.

Я с улыбкой вспоминал вчерашнее приключение. Впервые мне пришло в голову, что я, возможно, обладаю даром – или могуществом – более ценным, нежели просто умение предсказывать грядущие события. Если предположить, просто предположить... а вдруг я могу действительно *управлять* событиями? Заставлять вещи и людей повиноваться себе. Не с помощью рук, ног или голоса. При помощи лишь своих мыслей.

Как это здорово, думал я. Конечно, возможно, это только мечта, одна из тех, что приходили ко мне майскими ночами. А что, если это правда? Я решил испытать себя.

Подойдя к каменному мосту, перекинутому через реку, я опустил на колени около какого-то скромного цветка с плотно сомкнутыми лепестками. Сосредоточив все мысли на цветке, я постарался отключиться от окружающего мира. Постепенно стихли звуки – крики телят, бряканье железа в кузнице; я уже не ощущал на лице дуновения прохладного ветерка.

Я пристально смотрел на лиловую чашечку; с восточной стороны она была тронута золотистым светом первых солнечных лучей. Края каждого лепестка обрамляли крошечные

волоски, на которых застыли капельки росы; маленькая бурая тля пробежала по бахrome из зеленых листочков, окружавших основание цветка. Цветок источал свежий, но не сладкий аромат. Почему-то я был уверен в том, что внутри он желтый, как созревший сыр.

Наконец, я приготовился и, собрав всю свою волю в кулак, приказал цветку раскрыться. «Покажись, – мысленно произнес я. – Раскрой лепестки».

Несколько долгих минут я ждал. Ничего не произошло.

И снова я сосредоточился на цветке. «Раскройся. Раскрой лепестки».

Опять ничего.

Я начал подниматься на ноги. И в этот момент бахрома из зеленых листиков едва заметно затрепетала, словно тронутая легчайшим ветерком. Мгновение спустя один лиловый лепесток пошевелился, край его развернулся, затем медленно начал раскрываться. За ним последовал второй лепесток, и еще один – и вот, наконец, полностью распустившийся цветок приветствовал зарю. В сердцевине его прятались шесть нежных тычинок, похожих на перышки. И каков же был их цвет? Желтый, как созревший сыр.

Мощный пинок в спину повалил меня на землю. Раздался хриплый хохот, и волшебство было грубо развеяно – а лиловый цветок погиб под тяжелым башмаком.

Глава 3

Гроза

Я со стоном поднялся на ноги.

– Динатий, свинья!

Рослый мальчишка, широкоплечий, с взлохмаченными темными волосами, глупо и злобно ухмылялся, глядя на меня.

– Это не я свинья, а ты – с твоими остроконечными ушами. Или нет, ты – демон! Хотя лучше уж быть свиньей, чем ублюдком.

Кровь бросилась мне в лицо, но я сдержался. Я взглянул в глаза противника, серые, как гусиные крылья. Для этого мне понадобилось задрать голову – мой мучитель был намного выше. Динатий мог переносить тяжести, которые были не под силу многим взрослым мужчинам. В кузнице он занимался тем, что поддерживал огонь в горне – это была тяжелая работа, в помещении было жарко, как в аду; кроме того, он рубил и носил из лесу дрова, управлялся с мехами, таскал на спине десятки фунтов руды. За это он получал от кузнеца еду один-два раза в день, мешок с соломой вместо постели и множество зуботычин.

– Я не ублюдок.

Динатий медленно потер пробивавшуюся на подбородке щетину.

– Тогда где твой папаша? Может, он сам свинья? А может он – одна из тех крыс, которые живут с тобой и твоей матерью.

– У нас в доме нет крыс.

– В доме? Ты называешь это домом? Это просто грязная дыра, где твоя мамаша прячется от людей и занимается ворожкой.

Руки мои сжались в кулаки. Оскорбления, предназначенные мне, жгли, будто огонь, но когда я услышал, как он грубо отзывается о ней, кровь моя вскипела. Однако я понимал, что Динатий нарочно нарывался на драку. И прекрасно знал, каков будет ее исход. Я решил, что лучше всего будет сдержаться – если я смогу. Я с огромным трудом заставил себя стоять неподвижно, но прежде чем успел обдумать свои слова, они уже сорвались у меня с языка.

– Чья бы корова мычала, а твоя бы молчала.

– Что ты сказал, щенок безродный?

Не знаю, кто подсказал мне ответ.

– Я сказал, что не тебе называть других людей безродными – твой отец был простым саксом-наемником, который однажды ночью проезжал через эту деревню и ничего не оставил после себя, кроме ублюдка да пустой фляги из-под вина.

Динатий разинул рот, затем молча закрыл его. Я понял, что произнес слова, которые он всегда боялся услышать, и которые были правдой – хотя он ни за что не признался бы в этом. Слова, которые причинили ему жестокую боль, были хуже удара дубины.

Лицо его побагровело.

– Ты лжешь! Мой отец был римлянином, солдатом! Это все знают. – Он в ярости устался на меня. – Сейчас я покажу тебе, кто здесь ублюдок.

Я попятился.

Динатий наступал.

– Ты ничто и никто, щенок! У тебя нет отца. Нет дома. Нет имени! У кого ты украл имя Эмрис, шваль безродная? Ты ничтожество! И всегда останешься ничтожеством!

Услышав эти слова, я поморщился; я видел во взгляде Динатия разгоравшуюся ярость. Я огляделся вокруг в поисках путей к отступлению. Бежать было бесполезно. Необходимо было действовать хитростью. Но сегодня над головой у нас не пролетала чайка. В голову мне внезапно пришла новая мысль. «Над головой не пролетает чайка».

Точно так же, как вчера, я указал в небо и крикнул:

– Смотри! Манна небесная!

Динатий, который уже протягивал ко мне свои лапищи, на этот раз не стал поднимать головы. Вместо этого он скорчился, словно защищаясь от удара. Это было все, на что я мог надеяться. Я развернулся и, словно перепуганный кролик, бросился бежать по влажной от росы траве через двор мельницы.

Со злобным ревом Динатий устремился вслед за мной.

– А ну стой, трус!

Я пересек двор, перепрыгнул через треснувший точильный камень и кучу каких-то досок, рванулся к мосту; мои кожаные башмаки стучали по камням. Я еще не достиг противоположного края моста, когда услышал прямо у себя за спиной топот Динатия, заглушавший мое хриплое дыхание. Я резко свернул в сторону и побежал по старой римской дороге, проложенной вдоль берега. Справа от меня шумели волны Тауи. Слева до самого подножия Ир Видва тянулся сплошной непроходимый лес; среди деревьев петляли лишь олени да волчьи тропы.

Шестьдесят-семьдесят шагов я пробежал по мощеной дороге, слыша, как неумолимо приближается мой преследователь. Дорога шла вверх, и, добравшись до вершины небольшого холма, я бросился в сторону от проезжей части, в густые заросли папоротника, окаймлявшие стену леса. Какие-то острые шипы впивались мне в ноги, но я отчаянно ломился вперед. Затем, выпутавшись из папоротников, я вскочил на упавший сук, перепрыгнул через узкий ручеек, чуть ли не на четвереньках прополз по огромному замшелому валуну, высившемуся на другом берегу. Найдя едва заметную оленью тропу, извивавшуюся среди чащи, подобно змее, я понесся вперед и вскоре оказался в роще высоких деревьев.

Я остановился на несколько мгновений и услышал, как Динатий продирается сквозь подлесок у меня за спиной. Не думая, я присел на подстилку из хвои, устилавшую землю у меня под ногами, и, подпрыгнув, уцепился за нижнюю ветку гигантской сосны. Словно белка, я полез вверх, перебираясь с одной ветви на другую, пока не оказался на высоте, в три раза превышавшей человеческий рост.

В этот момент внизу появился Динатий. Я сидел прямо над ним, вцепившись в сосновый сук; сердце мое трепыхалось, в груди болело, ноги кровоточили. Я старался сидеть совершенно неподвижно, дышать беззвучно, хотя мне не хватало воздуха и хотелось вдохнуть полной грудью.

Динатий поглядел направо, налево, прищурился, напрягая зрение – в роще стоял полумрак. Он даже поднял голову, но в глаза ему попали упавшие с дерева кусочки коры, и он громко выругался: «Чертов лес!» Потом он услышал какой-то шорох неподалеку и побежал в том направлении.

Еще несколько часов я ждал на своей ветке, наблюдая за тем, как медленно движутся лучи света по пушистым сосновым лапам, слушая, как гуляет среди деревьев неторопливый ветерок. Наконец, убедившись в том, что Динатий ушел, я осмелился пошевелиться. Но я не стал слезать с дерева.

Я полез вверх.

Поднимаясь по «лестнице», образованной ветвями, я вдруг сообразил, что сердце мое снова стучит быстро-быстро, но на этот раз не от страха, не от напряжения. Сердце билось от радостного предчувствия. Что-то было такое в этом дереве, в самой этой минуте, что возбуждало во мне необъяснимое волнение. Всякий раз, забравшись на следующую, более высокую ветку, я чувствовал новый прилив радости, свежих сил. Казалось, чем выше я взбирался, тем острее становились мое зрение, слух, обоняние. Я воображал себя парящим в небесах рядом с крошечной точкой – соколом, кружившим вдалеке над деревьями.

Теперь я мог видеть пространства, раскинувшиеся далеко внизу. Я проследил за лентой реки, спускавшейся с северных холмов. Река напомнила мне огромную змею, чудовище из

легенд, слышанных от Бранвен. Холмы образовывали причудливый рисунок, подобный извилинам окаменевшего мозга, лишенного черепа. Я подумал: интересно, какие размышления рождались в этом мозгу за многие тысячи лет, проведенные здесь, среди лесов? Может, сам этот лес – материальное воплощение его мыслей? Или этот день?

Из клубов тумана, скрывавшего острые скалы у подножия горы, вздымалась величественная громада Ир Видва; вершина, покрытая вечными снегами, сверкала на солнце. По склонам двигались тени от проплывавших облаков, темные и округлые, подобные отпечаткам ног великанов. Как мне хотелось собственными глазами взглянуть на великанов, посмотреть на их танец!

На западном горизонте собирались тучи, но мне удалось пару раз уловить блеск солнечных лучей на морской глади. Вид бескрайнего океана пробудил во мне смутную, неопределенную тоску. Вдруг мне стало ясно – мой настоящий дом, мое настоящее имя скрывается там... где-то там, далеко. В душе у меня зарождалась буря, что-то поднималось со дна ее, бурлило, как глубинные течения в бездонном море.

Я протянул руку к следующей ветке, напрягся, подтягиваясь выше. Обхватил обеими руками основание ветви, перекинул через нее ногу. Несколько веточек отломились и, изящно кружась, полетели вниз. Кряхтя, я собрал все силы и, наконец, уселся на ветку верхом.

Я устал, мне захотелось отдохнуть, и я, устроившись на развилке, прислонился спиной к стволу. Ощупал руки, липкие, перепачканные древесным соком, поднес их к лицу. Ноздри мои наполнил сладкий аромат сосновой смолы.

Вдруг я почувствовал, как что-то коснулось моего правого уха. Я повернул голову. Пушистый бурый хвост исчез за стволом. Я вытянул шею, чтобы заглянуть за ствол дерева, и услышал громкий свист. В следующее мгновение чьи-то крошечные лапки застучали по моей груди, затем по ноге.

Я снова сел прямо, и как раз вовремя для того, чтобы заметить белку, перескочившую с моей ноги на нижнюю ветку. Улыбаясь, я смотрел на юркое существо, которое трещало что-то на своем языке. Белка бросилась бежать вверх по стволу, потом вниз, снова вверх, размахивая своим хвостом, словно меховым флажком; все это время она грызла сосновую шишку размером с собственную голову. Внезапно белка замерла на месте, как будто только что заметила меня. Несколько секунд она рассматривала меня, затем пискнула что-то и перепрыгнула на находившуюся рядом ветвь соседнего дерева. Оттуда она перебралась на ствол, побежала вниз и скрылась из виду. Я подумал: а вдруг я показался белке таким же забавным, как она – мне?

Восторженное чувство, снова охватившее меня, побуждало меня лезть дальше. Поднялся ветер, и аромат, исходивший от сосен, усилился. Запах смолы от покачивавшихся вокруг ветвей окутал меня, и мне почудилось, будто я погружаюсь в реку благовоний.

Снова я заметил того сокола – он по-прежнему кружил над лесом. Я, конечно, не мог быть в этом уверен, но почему-то подозревал, что сокол видит меня. Зачем-то наблюдает за мной.

Первый раскат грома раздался, когда я забрался на самую высокую ветку из тех, что в состоянии были выдержать мой вес. За ним последовал еще более громкий шум – шум тысяч деревьев, сгибающихся под порывами ветра. Я окинул взглядом зеленое море; ветви колыхались, отчего казалось, будто по лесному балдахину идут волны. Я обнаружил, что могу различать в лесном хоре отдельные голоса деревьев: глубокий вздох дуба, пронзительный скрип ветвей боярышника, шелест сосны и шорох листьев ясеня. Щелкали иголки, хлопали на ветру листья. Стонали стволы, ветер посвистывал в дуплах. Все эти голоса и многие другие объединились в один величественный хор, поющий на языке, походившем на мой собственный.

Ветер задул еще сильнее, и мое дерево начало раскачиваться. Оно склонялось то в одну, то в другую сторону, почти как тело человека, сначала едва заметно, затем все сильнее и сильнее. Скоро я уже испугался, что сосна рухнет, и я упаду с огромной высоты, но затем уверенность вернулась ко мне. Меня поражало то, что дерево одновременно может быть таким гиб-

ким и устойчивым, и я крепко держался за сук, пока оно склонялось и шелестело ветвями, которые трещали, сгибались, описывали круги в воздухе. С каждым порывом ветра, раскачивавшим сосну, во мне росло чувство, будто я больше не принадлежу земле, что я сам – часть этого ветра.

Начался дождь, и шелест его сливался с плеском речных волн и шумом деревьев. С ветвей струилась вода, отчего они походили на зеленые водопадики. Крошечные речушки бежали по стволам, извиваясь среди поросших мхом лугов и долин, прорезанных в старой коре. Я по-прежнему летел вперед, меня нес ветер. Никогда еще я не промокал под дождем так сильно. Никогда еще я не чувствовал себя таким свободным.

Когда гроза, наконец, немного утихла, мне показалось, что весь мир родился заново. Солнечные лучи танцевали на омытой дождем листве. Над полянами поднимались завитки и столбы пара. Цвета леса стали ярче, запахи – сильнее. И я впервые в жизни осознал, что Земля постоянно возрождается, что жизнь все время обновляется. Возможно, сегодня был обычный майский день, но одновременно это было утро первого дня Творения.

Глава 4

Куча лохмотьев

Вечерний свет золотил кроны деревьев, тени становились длиннее, и я почувствовал каую-то боль в животе. Боль быстро усиливалась. Я был голоден. Голоден, как волк.

В последний раз окинув взглядом безбрежные зеленые просторы, я увидел, как золотистая сеть медленно движется через холмы. Тогда я начал спускаться со своего «наседа». Наконец, добравшись до нижней ветки, все еще влажной после дождя, я обхватил ее руками и соскользнул вниз. Мгновение я висел над землей, раскачиваясь, как дерево на ветру. Неожиданно я осознал, что боль между лопатками не беспокоила меня с того момента, когда я начал взбираться на сосну. Я отпустил ветку и упал на ложе из хвои.

Я осторожно прикоснулся ладонью к шершавой коре. Мне показалось, будто я чувствую, как течет смола по жилам дерева, поднимается вверх по его высокому, похожему на колонну стволу – точно так же кровь бежала по моему телу. Слегка похлопав дерево, я поблагодарил его.

Взгляд мой упал на кучку бурых грибов с лохматыми юбочками, примостившихся среди опавшей хвои у подножия сосны. По своим вылазкам с Бранвен я знал, что эти грибы съедобны и вкусны, и бросился к ним. За несколько минут я проглотил их все до единого, а заодно несколько корешков растения с пурпурными листьями, росшего неподалеку.

Я нашел оленью тропу и вернулся по ней к ручью. Зачерпнув ладонями ледяной воды, я утолил жажду. Вода обожгла язык, заныли зубы. Полный новых сил, с легким сердцем я вернулся на римскую дорогу, ведущую к деревне.

Я перешел реку по мосту. За мельницей виднелись соломенные крыши Каэр Ведвид, похожие на кучку снопов. Наверное, под одной из этих крыш женщина, называвшая себя моей матерью, сейчас готовила свои снадобья или перевязывала кому-нибудь рану – как всегда, таинственная, молчаливая. К своему удивлению, я обнаружил в душе надежду на то, что однажды все-таки буду чувствовать себя в этой дыре как дома.

Войдя в деревню, я услышал веселые крики мальчишек. Первым моим побуждением было спрятаться в одно из своих обычных убежищ. Но вдруг... я ощутил какую-то новую уверенность в себе. Настал день для меня присоединиться к их играм!

Однако я медлил. А что, если поблизости околачивается Динатий? Нужно приглядывать за кузницей. С другой стороны, возможно, даже Динатий со временем перестанет мучить меня.

Я медленно приблизился. Под раскидистым дубом, там, где сходились три главные дороги, я заметил толпу крестьян и торговцев, разложивших на земле свои товары. Лошади и ослы, привязанные к столбам, размахивали хвостами, отгоняя мух. Поблизости какой-то бард с унылым лицом развлекал кучку крестьян пением баллады. Вдруг хвост лошади угодил певцу прямо в рот; к тому времени, когда он выплюнул волосы и откашлялся, слушатели разошлись.

В дальнем конце площади толклись четверо мальчишек, упражнявшихся в стрельбе – они метали камни и палки в кучу рваных тряпок, лежавшую у подножия дуба. Заметив, что Динатия среди них нет, я вздохнул свободно. Подойдя поближе, я окликнул одного из парней.

– Как сегодня, везет тебе, Луд?

Коренастый мальчик с песочными волосами обернулся. Круглое лицо и маленькие глазки придавали ему озадаченный вид. Хотя раньше он никогда не относился ко мне враждебно, сегодня он отчего-то держался настороженно. Я не мог сказать, боялся ли он Динатия... или меня.

Я шагнул вперед.

– Не волнуйся. Птицы сегодня не будут гадить тебе на голову.

Луд рассматривал меня какое-то время, затем расхохотался.

– Хороший был выстрел!

– Очень хороший, – ухмыльнулся я в ответ.

Он бросил мне небольшой камень.

– Попробуй и ты!

– Ты что? – удивился другой мальчишка. – Динатию это не понравится.

Луд пожал плечами.

– Ну, давай, Эмрис. Посмотрим, на что ты годишься.

Я взвесил камень на ладони, и мальчишки переглянулись. Резким движением я швырнул камень в кучу тряпья. Камень взлетел слишком высоко и далеко – угодил в загон для гусей и вызвал там немалый переполох. Раздался оглушительный гогот и хлопанье крыльев.

Я с жалким видом пробормотал:

– Не очень хорошо вышло.

– Может, тебе подойти поближе, – издевались парни. – Лучше встань прямо под деревом, тогда получится.

Все расхохотались.

Луд взмахом руки приказал им молчать и швырнул мне другой камень.

– Попробуй еще. Тебе просто нужно привыкнуть.

Что-то в его тоне вернуло мне уверенность в себе. Под пристальными взглядами мальчишек я снова прицелился. На этот раз я принял более удобную позу, мысленно измерил расстояние до мишени, вес камня. Не отрывая взгляда от кучи тряпок, я отвел руку назад и сделал бросок.

Камень угодил прямо в цель. Луд с довольным видом хихикнул. Я не смог удержаться от гордой усмешки.

Вдруг мое внимание привлекла одна странная вещь. Вместо того, чтобы пролететь сквозь слой тряпья и удариться в ствол дерева, камень отскочил, как будто лохмотья были твердыми. Я присмотрелся, и сердце мое замерло. Куча тряпок пошевелилась, и из-под нее донесся жалобный стон.

– Это же человек! – не веря своим глазам, воскликнул я.

Луд покачал головой.

– Это не человек. – Он небрежно махнул рукой в сторону жертвы. – Это просто еврей.

– Грязный еврей, – подхватил другой мальчишка и швырнул в кучу лохмотьев камень.

Очередной удар. Новый стон.

– Но... но так же нельзя... – Я хотел было продолжить, но сдержался. Споря с мальчишками, я рисковал быть не принятым в их игры.

– А почему нельзя? – удивился Луд, отступая подальше, чтобы бросить увесистую палку.

– Здесь раньше никогда не показывались евреи. Они исчадия ада, как демоны, у них рога и хвосты. Они переносят заразные болезни. У них дурной глаз.

Человек под кучей тряпок застонал и начал подниматься.

В горле у меня пересохло; я сглотнул.

– Я не верю в эти басни. Отпустите нищего и бросайте камни во что-нибудь неживое.

Луд как-то странно посмотрел на меня.

– Зря ты защищаешь евреев. Люди могут подумать, что ты... – Он смолк, подбирая слова.

– Что ты одного с ними роду-племени.

– Но мы, люди, все одинаковы! Еврей – такой же человек, как ты или я. – Я бросил взгляд на несчастного в лохмотьях, который медленно пополз прочь, и прорычал: – Оставьте его.

Луд лишь глупо ухмыльнулся и швырнул в еврея палку.

Я взмахнул рукой и вскричал:

– Нет! Не бей его!

Летевшая палка остановилась на полпути и упала на землю. Казалось, будто она врезалась в невидимую стену. Мальчишки замерли в изумлении. У меня отвисла челюсть. Я был поражен случившимся не меньше, чем они.

– Черная магия, – прошептал один из них.

– Колдовство, – произнес другой.

Круглое лицо Луда побелело, он медленно попятился от меня.

– Убирайся отсюда, ты... ты...

– Дьявольское отродье, – закончил чей-то голос.

Обернувшись, я оказался лицом к лицу с Динатием; туника его была порвана в нескольких местах и заляпана грязью после блужданий по лесу. Несмотря на жалкий вид, он был явно доволен тем, что, наконец, достиг свою жертву.

Я выпрямился, но это только еще яснее показало мне, насколько противник выше и крупнее меня.

– Зачем нам с тобой быть врагами?

Он плюнул мне в лицо.

– Думаешь, я буду другом такому ублюдку дьявола, как ты?

Я вытер лицо, прищурился, посмотрел на Динатия. Собрав последние силы, я загнал подальше гнев и попробовал снова. Дрожащим голосом я произнес:

– Я не демон. Я мальчик, такой же, как и ты.

– Я знаю, кто ты такой. – Голос Динатия разносился над площадью, словно грохот горной лавины. – Твой отец был демоном. А твоя мать занимается колдовством. Ты отродье дьявола!

С пронзительным криком я бросился на него.

Динатий проворно отступил в сторону, отшвырнул меня прочь, и я с силой ударился о землю. Вдобавок он пнул меня в бок, и я покатился в грязную лужу.

Ребра страшно болели, и я едва смог сесть. Динатий навис надо мной, он хохотал, откинув назад нечесаную голову. Другие мальчишки тоже смеялись и подначивали его.

– Что это с тобой случилось, дьявольское отродье? – издевался Динатий.

Боль моя была сильна, но гнев оказался сильнее. Прижимая руку к боку, я попытался подняться на колени, затем встал на ноги. Я зарычал, как раненый зверь, затем снова устремился на противника, молотя кулаками.

Мгновение спустя я лежал на траве лицом вниз. Я едва мог дышать и чувствовал во рту вкус крови. Мелькнула мысль о том, чтобы притвориться мертвым – может быть, тогда мучитель отстанет от меня. Но я знал, что это не поможет.

Я заставил себя подняться, вытер кровь, струившуюся по подбородку, и Динатий перестал смеяться. Я потверже встал на ноги и посмотрел ему в глаза, и выражение их оказалось совершенно неожиданным для меня.

Несмотря на свой воинственный вид, он был удивлен.

– Клянусь смертью Христовой, а ты упрямый.

– Упрямства у меня хватит, чтобы сразиться с тобою, – хрипло ответил я и сжал кулаки.

В этот момент неизвестно откуда появившаяся фигура шагнула между нами. Все мальчишки, кроме Динатия, отступили. Я разинул рот от удивления.

Это была Бранвен.

В глазах Динатия промелькнул страх, но он плюнул женщине под ноги.

– Отойди, дьяволица.

Глаза у нее загорелись, и она гневно взглянула на него.

– Оставь нас.

– Убирайся к дьяволу, – выругался он. – Вам обоим там самое место.

– Правда? Тогда лучше тебе спастись от нас бегством. – Она угрожающе подняла руки.

– Не то я призову адское пламя, и оно пожрет тебя.

Динатий потряс головой.

– Это не я сгорю в аду, а ты!

– Но я не боюсь адского огня! Меня нельзя сжечь!

Луд, в тревоге наблюдавший за Бранвен, потянул Динатия за рукав.

– А вдруг она правду говорит? Пошли отсюда.

– Я не уйду, пока не покончу с ее щенком.

Синие глаза Бранвен сверкнули.

– Уходи немедленно. Или сгоришь.

Он сделал шаг назад.

Она наклонилась к нему, затем повелительным тоном произнесла одно лишь слово:

– Убирайся.

Остальные мальчишки бросились бежать. Динатий, видя их бегство, заколебался. Он сложил пальцы обеих рук в знаки, предохраняющие от дурного глаза.

– Уходи! – повторила Бранвен.

Динатий несколько мгновений сверлил ее ненавидящим взглядом, затем пошел прочь.

Я взял Бранвен за руку, и вместе мы медленно направились к нашей хижине.

Глава 5

Священное время

Вытянувшись на своем тюфяке, я морщился от боли, пока Бранвен ощупывала мои покрытые синяками бока. Тонкие лучики света, просачивавшиеся сквозь прорехи в соломенной крыше, падали на ее плечи и лицо. Она озабоченно нахмурила лоб. Синие глаза смотрели на меня так пристально, что мне казалось, будто взгляд их пронизывает меня насквозь.

– Спасибо, что помогла мне.

– Не стоит благодарности.

– Ты держалась прекрасно. Честное слово, прекрасно! И появилась как раз вовремя, прямо как с неба свалилась. Будто одна из твоих греческих богинь – Афина или еще кто-нибудь.

Морщинки на лбу Бранвен стали глубже.

– Боюсь, скорее как Зевс.

Я рассмеялся и тут же пожалел об этом – бок жутко заболел.

– Хочешь сказать, что обрушила на них гром и молнию?

– Вместо мудрости. – Она печально вздохнула. – Я сделала лишь то, что сделала бы на моем месте любая мать. Хотя ты никогда...

– Что?

Она покачала головой.

– Ничего.

Бранвен поднялась и на несколько минут ушла, чтобы приготовить припарку, источавшую запахи дыма и кедра. Я слышал, как она рубила и растирала кору. Потом она вернулась к моему ложу. Приложив припарку к моим ребрам, она слегка прижала ее ладонями. Я почувствовал, как тепло постепенно проникает в мое тело, в кости, и как будто сам костный мозг превратился в тлеющие уголья.

Через некоторое время она закрыла глаза и начала негромко и медленно напевать заклинание, которое я слышал от нее не раз во время работы. Раньше я часто задумывался о том, поет ли она его для того, чтобы излечить больного, или же каким-то образом – а каким, я не мог сказать – излечить саму себя. Но на этот раз, когда я взгляделся ей в лицо, у меня не осталось сомнений: песнь предназначалась для нее, а вовсе не для меня.

Хи гододин катан хье
Худ а лледрит маль видан
Гаунсе аэ баллаун вен кабри
Варигаль дон Финкайра
Дравиа, дравиа Финкайра.

Я чувствовал, что слова эти принадлежат языку иного мира, лежащего далеко за морем. Я подождал, пока Бранвен откроет глаза, затем задал так часто волновавший меня вопрос, хотя и не ожидал услышать ответ.

– Что это означает?

И снова она окинула меня взглядом, проникавшим в самую душу. Затем, тщательно подбирая слова, ответила:

– Это песнь о волшебной стране. Стране соблазнов. Стране миражей. Эта страна называется Финкайра.

– А что это за слова в конце? «Дравиа, дравиа Финкайра».

Она понизила голос до шепота.

– «Живи вечно, живи вечно, Финкайра». – Она опустила взгляд. – Финкайра. Страна многих чудес, прославленная бардами на тысяче языков. Песни говорят, что страна эта находится на полпути между нашим миром и миром духов – она не принадлежит ни земле, ни небесам, но служит мостом, соединяющим их. О, я могла бы столько рассказать тебе о ней! Цвета там ярче цветов Земли на восходе солнца, воздух там ароматнее самого благоуханного земного сада. Множество загадочных существ обитает там – и легенда говорит, что среди них есть первые великаны.

Я пошевелился и, придвинувшись ближе, взглянул ей в лицо.

– Тебя послушать, так она существует на самом деле.

Руки Бранвен крепче прижали меня к тюфяку.

– Не больше, чем любое другое место из тех, о которых я рассказывала тебе. Мои истории могут быть не такими реальными, как вот эта припарка, сын мой, но тем не менее они правдивы! Достаточно правдивы, чтобы помогать мне жить дальше. И трудиться. И находить скрытое значение в каждом сне, в каждом листе дерева, в каждой капле росы.

– Ты что, хочешь сказать, что твои легенды – как и те мифы о греческих богах – на самом деле правда?

– О да. – Она помолчала минуту. – Легенды требуют веры, а не доказательств. Неужели ты не понимаешь? Они существуют в священном времени, которое движется по кругу. Это не историческое время, текущее в одном направлении. И все же они реальны, сын мой. Во многом более реальны, чем повседневная жизнь этой жалкой маленькой деревушки.

Я озадаченно нахмурил лоб.

– Но ведь греческая вершина Олимп – совершенно не то, что наша гора Ир Видва.

Пальцы ее слегка расслабились.

– Они не так сильно отличаются друг от друга, как ты считаешь. Гора Олимп существует на земле и в мифах. В земном и священном времени. Там можно найти Зевса, Афину и других. Это *промежуточное* место – оно не совсем принадлежит нашему миру и не совсем – Миру Иному, оно лежит посередине. Точно так же туман – это не воздух и не вода, а одновременно и то, и другое. Есть еще одно такое место – греческий остров Делос, где был рожден и живет Аполлон.

– Разумеется, в мифах. Но не в настоящей жизни.

Бранвен странно взглянула на меня.

– Ты в этом уверен?

– Ну... допустим, не уверен. Никогда не был в Греции. Но сотни раз видел гору Ир Видва, прямо вот из этого окошка. Никакого Аполлона там нет! Ни на этой горе, ни в этой деревне.

И снова этот странный взгляд.

– Ты уверен?

– Ну конечно, уверен! – Я вытащил из тюфяка несколько соломинок и швырнул их на пол. – Эта деревня – жалкая дыра! Грязная солома, потрескавшиеся стены, злобные людишки. Злобные и невежественные. Подумать только, половина из них верит, что ты действительно колдунья!

Сняв припарку, она осмотрела синяк, расплывавшийся у меня на боку.

– И все-таки они приходят сюда за помощью.

Бранвен взяла деревянную чашу с зеленовато-бурой мазью, от которой исходил едкий запах, похожий на запах перезревших ягод. Двумя пальцами левой руки она осторожно начала накладывать мазь на синяк.

– Скажи мне вот что, – начала она, не отрывая взгляда от моих ребер, – никогда не случилось так, что, гуляя в одиночестве, вдали от деревенской суеты, ты вдруг чувствовал присутствие потусторонних сил, чего-то невидимого? Может быть, внизу, у реки, или где-нибудь в лесу?

Мысли мои обратились к гигантской сосне, раскачивавшейся на ветру. Я почти слышал шелест ветвей, чувствовал запах смолы, ощущал под руками шершавую, липкую поверхность коры.

– Да, иногда, в лесу...

– Что?

– Я чувствовал, что деревья, особенно старые деревья, как будто живые. Не просто как растения, а как люди. У них есть лица. Есть души.

Бранвен кивнула.

– Как у дриад и гамадриад. – Она задумчиво взглянула на меня. – Как жаль, что я не могу прочесть тебе легенды о них на языке греков. Они рассказывают истории намного лучше меня! И эти книги... Эмрис, однажды я видела комнату, полную книг – толстых, заплесневелых, таких заманчивых, что мне захотелось всю жизнь сидеть с одной из них в руках и читать с утра до вечера. Я бы читала до поздней ночи, пока сон не сморил бы меня. Тогда, мечтала я, во сне меня посетили бы дриады или сам Аполлон.

Внезапно она замолчала.

– Я никогда не рассказывала тебе о Дагде?

Я покачал головой.

– А при чем тут Аполлон?

– Терпение. – Она набрала еще мази и продолжила работу. – У кельтов, которые жили в Гвинедде достаточно долго, чтобы узнать все о священном времени, было немало своих Аполлонов. Я слышала о них в детстве, задолго до того, как научилась читать.

Я вздрогнул от изумления.

– Так ты из кельтов? А я думал, твоя родина... там, откуда я пришел, за морем.

Рука Бранвен замерла.

– Так оно и есть. Но прежде чем отправиться туда, я жила здесь, в Гвинедде. Но не в этой деревушке, а в Каэр Мирддине, хотя в те дни там было гораздо меньше жителей. А теперь позволь, я продолжу.

Я покорно кивнул; услышанное возродило во мне надежду. Это было немного, но сегодня она впервые упомянула о своем детстве.

Бранвен вернулась к работе и прерванному рассказу.

– Дагда – один из этих Аполлонов. Это едва ли не самое могущественное кельтское божество, бог абсолютного знания.

– А как выглядит Дагда? Я имею в виду, в легенде.

Бранвен набрала остатки мази из чаши.

– О, это хороший вопрос. Очень хороший вопрос. По какой-то причине, известной только ему самому, Дагда никому и никогда не позволяет увидеть свое истинное лицо. В разные времена он принимает разные обличья.

– Какие?

– Однажды, во время знаменитой битвы с могущественным врагом, злым духом по имени Рита Гавр, оба они приняли вид огромных животных. Рита Гавр превратился в гигантского кабана, с жуткими клыками и кроваво-красными глазками. – Она смолкла, вспоминая остальное. – И еще. На передней ноге у него был длинный шрам.

Я окаменел. Шрам у меня под глазом, оставленный клыком кабана пять лет назад, начал саднить. Много раз с того дня темными ночами этот кабан появлялся снова, и снова нападал на меня – в моих кошмарах.

– А Дагда во время битвы превратился в...

– Огромного оленя, – закончил я. – Со шкурой бронзового цвета, белыми пятнами над копытами. Каждый рог его оканчивался семью острями. И глаза у него были бездонными, словно звездное небо.

Бранвен удивленно кивнула.

– Значит, ты слышал эту легенду?

– Нет, – признался я.

– Тогда откуда тебе это известно?

Я испустил долгий, медленный вздох.

– Я видел эти глаза.

Она замерла.

– Ты *видел*?

– Я видел оленя. И кабана – тоже.

– Когда?

– В тот день, когда нас выбросило на берег.

Она пристально взглянула мне в глаза.

– Они сражались?

– Да! Кабан хотел убить нас с тобой. Скорее даже, тебя, думал я – если это действительно был какой-то злой дух.

– Почему ты так решил?

– Ну, потому, что ты – это... ты! А тогда я был просто маленьким костлявым мальчишкой.

– Я окинул взглядом свое тело и усмехнулся. – А вот теперь превратился в большого костлявого мальчишку. Но неважно – этот кабан наверняка прикончил бы нас. Но вдруг появился олень и прогнал его. – Я прикоснулся к шраму под глазом. – Так я получил эту отметину.

– Ты никогда мне об этом не рассказывал.

Я бросил на женщину укоризненный взгляд.

– Ты тоже ни о чем не рассказываешь мне.

– Ты прав, – с горечью произнесла она. – Мы рассказываем друг другу истории о других людях, но почти никогда – о себе. На самом деле, это моя вина.

Я промолчал.

– Но кое-что я все-таки могу поведать тебе. Если бы этот кабан – Рита Гавр – смог добраться до одного из нас, он убил бы не меня. Он растерзал бы *тебя*.

– Что? Но это же смешно! Из нас двоих ты обладаешь такими знаниями, искусством врачевания.

– А ты наделен великим могуществом! – Взгляды наши встретились. – Ведь ты уже начинаешь это осознавать! Твой дед сказал мне однажды, что сила пришла к нему, когда ему шел двенадцатый год. – Она спохватилась и замолчала. – Я не должна была упоминать о нем при тебе.

– Но ты все-таки упомянула! Так что теперь ты можешь рассказать мне больше!

Она сурово покачала головой.

– Не будем говорить об этом.

– Прошу тебя, ну пожалуйста! Расскажи мне хоть что-нибудь. Каким он был, как выглядел?

– Я не могу.

Я покраснел от негодования.

– Но ты обязана! Зачем тогда ты вообще заговорила о нем – ведь наверняка есть что-то такое, что я должен знать о своем предке?

Бранвен провела рукой по золотым волосам.

– Он был магом, могущественным волшебником. Но я передам только то, что он сказал однажды о тебе. Еще до твоего рождения. Он сказал, что могущество, подобное тому, которым обладал он сам, часто передается через поколение. И что у меня родится сын, который...

– Который что?

– Который будет наделен могуществом, намного превосходящим его собственное. Что его магические способности будут происходить из глубоких, неведомых источников. И если ты научишься управлять ими, то сможешь навсегда изменить будущее этого мира.

Я даже рот открыл от изумления.

– Это неправда. И ты это сама понимаешь. Стоит только посмотреть на меня!

– Я и смотрю, – спокойно ответила она. – Пока что ты, конечно, не таков, каким описывал тебя дед, но возможно, когда-нибудь обретешь могущество.

– Нет, – возразил я. – Мне это не нужно. Я хочу только одного – чтобы ко мне вернулась память! Я хочу знать, кто я такой на самом деле.

– А вдруг окажется, что ты действительно наделен сверхъестественным могуществом?

– Но как это возможно? – рассмеялся я. – Я же не волшебник.

Она наклонила голову.

– Я думаю, однажды с тобой случится нечто такое, что удивит тебя.

Внезапно я вспомнил происшествие с палкой Луда.

– На самом деле... это *уже* случилось. Там, на площади, перед тем, как ты пришла. Случилось кое-что странное. Я даже не уверен в том, что именно я совершил это. Но и в обратном тоже не уверен.

Бранвен молча достала тряпицу и начала обвертывать ее вокруг моего тела. Мне показалось, что она смотрит на меня с каким-то новым почтением, даже страхом. Руки ее двигались проворнее, как будто тело мое было раскалено докрасна и ей больно было прикасаться к нему. Но, что бы ни чувствовала она, и что бы там ни казалось мне, мне стало очень неудобно. Я только-только ощутил хоть какую-то близость к ней, и внезапно она снова отдалилась от меня – еще сильнее, чем прежде.

Наконец, она заговорила.

– Что бы ты ни совершил, это проявление твоего могущества. Оно принадлежит тебе, и ты волен пользоваться им, это дар свыше. Дар самого великого из богов, того, кому я молюсь чаще всего, того, кому мы обязаны всем, что имеем. Я не знаю, велика ли твоя сила, сын мой. Но я знаю твердо: Бог дал ее тебе для того, чтобы ты ею воспользовался. Бог ждет от тебя взамен лишь одного – чтобы ты пользовался ею во имя *добра*. Но сначала ты должен, как сказал твой дед, научиться управлять этой силой. То есть узнать, как применять ее с мудростью и любовью.

– Но я не просил никакой силы!

– Я тоже не просила. И не просила, чтобы меня называли колдуньей. Но любой дар небес несет с собой опасность того, что другие могут не понять его.

– Значит, ты не боишься? В прошлом году в Ллене сожгли заживо одну женщину – говорили, что она колдунья.

Бранвен подняла взгляд к лучикам света, просачивавшимся в дыры у нас над головой.

– Всемогущему Господу известно, что я не колдунья. Я всего лишь стараюсь применить свои скромные дарования на благо людям.

– Ты пытаешься соединить древнюю мудрость с новой. И это пугает людей.

Взгляд сапфировых глаз смягчился.

– Ты видишь больше, чем я. Да, это пугает людей. Как почти все в наши дни.

Она осторожно закрепила повязку.

– Мир меняется, Эмрис. Я никогда не видела подобных смутных времен, даже... в другом месте. Вторжения из-за моря. Наемники, в одну ночь меняющие хозяина. Христиане воюют с приверженцами старой веры. Приверженцы старой веры воюют с христианами. Люди напуганы. Смертельно напуганы. Все неизвестное считается дьявольщиной.

Я с трудом приподнялся и сел.

– А у тебя никогда не появлялось желания... – Голос изменил мне, и я сглотнул. – Навсегда отказаться от этого дара? Желания стать такой, как все? Чтобы никто не называл тебя дьяволицей?

– Разумеется, появлялось. – Она в задумчивости покусала губу. – Однако мне помогает моя вера. Понимаешь ли, новая религия могущественна. Очень могущественна! Вспомни только, что Бог сделал для святой Бригитты²¹ и святого Колумбы²²! И все же я знаю достаточно о древней вере, чтобы понимать: она тоже обладает большой силой. Разве нельзя питать надежду на то, что они – старое и новое – смогут существовать вместе? Что могут принести пользу друг другу? Несмотря на то, что учение Иисуса изменило мою душу, я не могу отказаться от веры в прежних богов. Еврейских. Греческих. Богов друидов. И других, более древних.

Я уныло смотрел на нее.

– Ты так много знаешь. А я так невежествен.

– В этом ты ошибаешься. Я знаю мало. Очень мало. – Внезапно на лице Бранвен промелькнуло выражение боли. – Например, я не могу понять... почему ты никогда не зовешь меня *матушкой*.

Я ощутил болезненный укол в сердце.

– Это потому...

– Почему?

– Потому что я не верю в то, что ты – моя мать.

Я заметил, что у нее перехватило дыхание.

– И ты не веришь в то, что твое настоящее имя – Эмрис?

– Нет.

– И в то, что мое имя – Бранвен?

– Нет.

Она подняла голову и несколько долгих минут смотрела на соломенную крышу, за многие годы почерневшую от копоти очага. Наконец, она снова взглянула мне в лицо.

– Насчет моего имени ты прав. Когда мы очутились здесь, я взяла себе новое имя из одной древней легенды.

– Той, которую я слышал от тебя? О Бранвен, дочери Ллира?

Она кивнула.

– Ты помнишь ее? Тогда ты должен помнить, что Бранвен приехала из далекой страны, чтобы выйти замуж за короля Ирландии. Юность ее была озарена счастьем и надеждами.

– А закончилась ее жизнь, – продолжал я, – ужасной трагедией. Ее последние слова были: «Увы! Горе мне, что я родилась!»²³.

Она взяла мою руку в свои.

– Но я солгала тебе только о своем имени, а не о твоём. О моей жизни, но не о твоей. Прошу тебя, поверь мне! Тебя на самом деле зовут Эмрис. И ты мой сын.

Где-то в горле у меня родилось рыдание.

– Но если ты и вправду моя мать, почему ты не можешь рассказать, где мой дом? Мой настоящий дом, моя родина?

– Нет, я не могу! Эти воспоминания слишком болезненны для меня. И слишком опасны для тебя.

---

²¹ Св. Бригитта Ирландская (451–525) – католическая и православная святая, покровительница Ирландии. Бригитта прославляется не только своими чудесами, но и своей добротой и милосердием: она раздает еду бедным, исцеляет больных, никому не отказывая в помощи. В руках Бригитты мясо, масло, угощение для гостей не иссыкает, еда и питье хватает на всех. Чтобы молока хватило всем гостям, ее коровы доятся три раза в день.

²² Колумба (521–597) – ирландский святой монах, проповедник христианства в Шотландии.

²³ «Мабиногион. Легенды средневекового Уэльса». Пер. с валлийского В. В. Эрлихмана.

– Тогда как же ты можешь ожидать, что я тебе поверю?

– Прошу, выслушай меня. Я ничего не рассказываю тебе только потому, что знаю – так будет лучше! Ты лишился памяти не просто так. Это благословение.

– Это проклятье! – сердито воскликнул я.

Бранвен посмотрела на меня, и взор ее затуманился. Мне показалось, что она вот-вот заговорит, расскажет мне то, что я так жаждал узнать. Но внезапно пальцы ее сжали мою руку – это был жест не сострадания, но страха.

Глава 6

Пламя

Возникшая в дверном проеме фигура заслонила свет.

Я вскочил с тюфяка, уронив на пол деревянную чашу Бранвен.

– Динатий!

Мускулистая рука протянулась к нам.

– Выходите отсюда оба.

– Мы никуда не пойдем. – Бранвен поднялась на ноги и стала рядом со мной.

Серые глаза Динатия злобно вспыхнули. Обернувшись, он крикнул кому-то через плечо:

– Сначала хватайте ее!

Он вошел в хижину, следом за ним появились двое парней – из тех, что швырялись камнями на площади. Луда с ними не было.

Я схватил Динатия за руку, но он страхнул меня, как муху. Я отлетел прочь и врезался в стол, заставленный утварью и снадобьями Бранвен. Ложки, ножи, сита, чаши рассыпались по земляному полу хижины, стол треснул под моим весом. Отвары и мази забрызгали глинобитные стены, в воздухе закружились семена и сухие листья.

Я увидел, как он борется с Бранвен, вскочил на ноги и прыгнул на него. Он развернулся и нанес мне удар такой силы, что я спиной ударился о ближайшую стену. У меня закружилась голова, и несколько мгновений я лежал неподвижно.

Когда туман перед глазами рассеялся, я сообразил, что в хижине, кроме меня, никого нет. Я не сразу понял, что произошло. Затем снаружи послышались какие-то крики, и я, спотыкаясь, двинулся к выходу.

Бранвен лежала на земле в двадцати или тридцати шагах от дома, на тропе. Руки и ноги ее были связаны плетеной веревкой. В рот ей запихнули кусок ткани, оторванный от ее платья, чтобы она не смогла позвать на помощь. Видимо, торговцы и крестьяне, занятые своими делами на площади, не заметили, что происходит – или не желали вмешиваться.

– Только посмотрите на нее, – гоготал тощий смуглый парень, указывая на распростертое тело. – Сейчас она не так уж страшна.

Приятель его, еще державший в руке кусок веревки, тоже засмеялся в ответ.

– Скоро колдунья свое получит!

Я бросился на помощь Бранвен. Вдруг я заметил Динатия – тот склонился над кучей хвороста, наваленной под раскидистыми ветвями дуба. Затем он швырнул в кучу веток полный совок раскаленных угольев из кузницы, и меня пронзила ужасная мысль. «Огонь. Он разводит огонь».

Сухие ветки затрещали. Столб дыма устремился к небу сквозь крону дерева. Динатий выпрямился, уперев руки в бока, любуясь своей работой. Темный силуэт его вырисовывался на фоне рыжего пламени, и мне показалось, что передо мной сам Сатана.

– Она сказала, что не боится огня! – заявил Динатий, и мальчишки закивали. – Она сказала, что ее нельзя сжечь!

– Сейчас посмотрим, правда ли это, – сказал парень с веревкой.

– Пожар! – крикнул какой-то торговец, внезапно заметивший огонь.

– Потушите костер! – крикнула соседка, появившись на пороге своей хижины.

Но прежде чем кто-либо успел пошевелиться, два парня схватили Бранвен за ноги и потащили к пылавшему дереву, где ждал Динатий.

Я выбежал из дома, не отрывая взгляда от своего врага. Во мне бушевала ярость, такая ярость, которой я никогда прежде не испытывал. С ней невозможно было справиться, ее невоз-

можно было унять, она нахлынула на меня подобно гигантской волне, затопив все остальные чувства и ощущения.

Увидев меня, Динатий ухмыльнулся.

– Ты как раз вовремя, ублюдок. Поджарим вас вместе.

Меня охватило одно-единственное могучее желание. *«Он должен сгореть. Он должен гореть в аду».*

В это мгновение дерево задрожало, раздался треск, словно в него ударила молния. Динатий поднял голову, и один из самых толстых сучьев, возможно, поврежденный огнем, обломился. Динатий не успел отскочить в сторону – огромная ветка рухнула прямо на него, пригвоздила его к земле. Пламя вздымалось все выше, подобно дыханию дюжины драконов. Крестьяне и торговцы бросились врассыпную. Ветки ломались и летели вниз, рассыпая дождь искр; вой пламени и треск горящего дерева почти заглушали вопли придавленного к земле мальчика.

Я поспешил к Бранвен. Ее бросили всего в нескольких шагах от пылающего дуба. Пламя уже лизало край ее платья. Я быстро оттащил ее от дышавшего жаром дерева и развязал веревки. Она выплонула кляп и уставилась на меня с выражением одновременно благодарности и страха.

– Это ты сделал?

– Я... я думаю, да. Это какая-то магия.

Взгляд сапфировых глаз пронизывал меня насквозь.

– Это твоя магия. Проявление твоего могущества.

Но я не успел ответить – из костра раздался леденящий кровь вопль. Человек кричал и кричал, и голос его был полон смертной муки. Когда я услышал этот крик – крик беспомощного человеческого существа, – кровь застыла у меня в жилах. Я вдруг понял, что я наделал. И понял также, что я должен сделать дальше.

– Нет! – воскликнула Бранвен, схватив меня за подол туники.

Но было уже поздно. Я бросился в ревущее пламя.

Глава 7

Тьма

Голоса. Ангельские голоса.

Я резко сел. Неужели это действительно поют ангелы? Неужели я действительно умер? Меня окружала полная темнота. Чернее самой темной ночи в моей жизни.

А потом пришла боль. Боль в лице, боль в правой руке сказала мне, что на самом деле я все-таки жив. Боль была невыносимой. Она жгла, когтила. Мне казалось, будто с меня заживо сдирают кожу.

Сквозь эту боль я постепенно различил, что у меня на лбу лежит какая-то странная тяжесть. Я осторожно поднял руку к лицу и сообразил, что пальцы моей правой руки перебинтованы. А также лоб, щеки, глаза – все лицо скрывал слой влажной прохладной ткани, от которой исходил резкий запах лечебных трав. Даже самое легкое прикосновение причиняло такую боль, как будто в тело мое вонзались десятки кинжалов.

Скрипнула тяжелая дверь. По каменному полу зашуршали чьи-то шаги, порождая эхо в просторном помещении с высоким потолком. Мне показалось, что я узнаю звук этих шагов.

– Бранвен?

– Да, это я, сынок, – ответил мне голос из темноты. – Ты очнулся. Я рада. – Однако голос ее звучал скорее печально, чем радостно, подумал я, когда она ласково погладила меня по голове. – Я должна сменить тебе повязки. Боюсь, это будет больно.

– Нет. Не трогай меня.

– Но так надо, иначе ожоги не заживут.

– Нет.

– Эмрис, ты должен потерпеть.

– Ну хорошо, только осторожно! У меня и так все очень болит.

– Я знаю, я знаю.

Я изо всех сил старался лежать смиренно, пока она прикосновениями легкими, как крылья бабочки, осторожно развертывала повязки. Прежде чем заняться этим, она капнула мне на лицо какую-то жидкость – снадобье пахло свежестью, словно лес после грозы. И слегка успокоило боль. Я почувствовал себя немного лучше и засыпал ее градом вопросов.

– Долго я спал? Где мы? Что это за голоса?

– Мы с тобой – прости, если тебе это покажется неприятным – в храме Святого Петра. Мы гости здешних монахинь. Ты слышишь, как они поют.

– Святого Петра! Но это же в Каэр Мирдине!

– Верно.

В открытое окно или дверь ворвался прохладный ветер, и я натянул на плечи грубое шерстяное одеяло.

– Это же в нескольких днях пути от нашей деревни, даже на лошади.

– Да.

– Но...

– Лежи тихо, Эмрис, мне нужно снять это.

– Но...

– Тише, тише... вот так. Потерпи минутку. Все, готово.

Повязка исчезла, и все вопросы относительно нашего путешествия были забыты. Новый вопрос занимал мои мысли. Несмотря на то, что глаза мои больше не были завязаны, я по-прежнему ничего не видел.

– Почему здесь так темно?

Бранвен не ответила.

– Ты не принесла свечу?

И снова молчание.

– Сейчас ночь?

Бранвен молчала. Но ей не нужно было отвечать: я получил ответ от кукушки, которая куковала где-то поблизости.

Пальцы моей здоровой руки тряслись, когда я прикоснулся к обожженной коже вокруг глаз. Я поморщился, ощупывая струпию, под которыми кожа горела огнем. Брови исчезли. Ресницы – тоже. Превозмогая боль, я провел кончиками пальцев по краям век, обугленных, покрытых коркой.

Я понял, что глаза мои широко раскрыты, но я ничего не вижу. Когда до меня, наконец, дошло, в чем дело, все тело мое пронизала дрожь.

Я ослеп.

Я взревел в ярости. Затем, вновь услышав голос кукушки, я отбросил прочь одеяло. Несмотря на слабость, я заставил себя встать с тюфяка, оттолкнул руку Бранвен, которая пыталась меня остановить. Шатаясь, я пошел по каменному полу навстречу птице.

Я споткнулся обо что-то и, рухнув на пол, ударился плечом. Вытянув руки, я нащупал лишь камни – холодные и безжизненные, как могильные плиты.

Голова у меня закружилась. Я чувствовал, как Бранвен помогает мне подняться на ноги, слышал ее приглушенные рыдания. И снова я оттолкнул ее и неуверенно двинулся вперед; мои вытянутые руки уперлись в каменную стену. Голос кукушки раздавался откуда-то слева. Пальцы моей левой руки нащупали окно.

Я схватился за подоконник, подтянулся поближе. Прохладный воздух обжег мне лицо. Птица куковала так близко, что мне казалось, будто я могу прикоснуться к ней, вытянув руку. В первый раз, наверное, за несколько недель лицо мое ласкали солнечные лучи. Но как ни пытался я разглядеть солнце, я не видел его.

«Оно скрыто. Весь мир скрыт от меня».

Ноги у меня подкосились, я повалился на пол, ударился головой о камни. И заплакал.

Глава 8

Дар

Недели тянулись, складываясь в месяцы, а я по-прежнему корчился в муках под сводами храма Святого Петра. Жившие при храме монахини, тронутые благочестием Бранвен и моими страданиями, открыли для нас двери своего святилища. Все сочувствовали женщине, которая целыми днями молилась или ухаживала за своим больным ребенком. А что касается самого ребенка – они старались меня избегать, и меня это вполне устраивало.

Дни мои были черны – тьма стояла у меня перед глазами, тьма поселилась у меня в душе. Я чувствовал себя подобно грудному младенцу, я едва способен был ползать по холодной каменной комнате, которую мы делили с Бранвен. Я знал на ощупь все четыре ее твердых угла, неровные полосы штукатурки, соединявшей камни, единственное окно, у которого я часами стоял, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Но вместо этого окно служило для меня орудием пытки – сквозь него доносился жизнерадостный голос кукушки, слышался далекий шум рыночной площади Каэр Мирддина. Иногда я чувствовал запах готовящейся пищи из соседнего дома, аромат цветущего дерева, который смешивался с запахами тимьяна и корней бука, поднимавшимися над столиком у изголовья Бранвен. Но я не мог выйти, не мог побродить по городу. Я был пленником, навеки заключенным в темницу своей слепоты.

Два или три раза я осмеливался покинуть комнату, на ощупь открывал тяжелую деревянную дверь, углублялся в лабиринт коридоров и комнат, тянувшийся за ней. Внимательно прислушиваясь к эху собственных шагов, я обнаружил, что могу судить о длине и высоте коридоров и размере комнат.

Однажды я наткнулся на лестницу с сильно вытертыми каменными ступенями, за долгие годы превратившимися в чаши. Осторожно ощупывая стены, я спустился, открыл какую-то дверь и оказался в саду, на свежем воздухе, напоенном ароматами цветов и трав. Ноги мои коснулись мокрой травы, теплый ветер подул мне в лицо. Я вдруг вспомнил, как это прекрасно – гулять на свободе, идти по траве, под солнцем. Затем я услышал пение монахинь, доносившееся из монастыря. Я пошел быстрее, желая найти их, и внезапно врезался в каменный столб с такой силой, что упал на спину, в небольшую лужу. Пытаясь подняться, я поскользнулся на каком-то камне, потерял равновесие и стукнулся о колонну левой стороной лица. Я лежал на каменных плитах, покрытый синяками, окровавленный, с сорванными повязками, и всхлипывал, пока Бранвен не нашла меня.

После того дня я не вставал со своего тюфяка, убежденный в том, что остаток своих дней проведу беспомощным слепцом, камнем на шее у Бранвен. О чем бы я ни думал, мысли мои неизменно возвращались к тому дню, когда на меня свалилось несчастье. Бранвен, связанная, с кляпом во рту, лежащая на тропе у пылающего дерева. Непреодолимый гнев, охвативший меня. Хохот Динатия, сменившийся пронзительными воплями. Жгучее пламя, окружающее меня. Переломанные руки и обугленное тело человека, придавленного веткой. Мои собственные крики – когда я понял, что лицо мое горит.

Я не помнил нашего путешествия в Каэр Мирддин, но по краткому рассказу Бранвен мог представить себе его. Я почти что видел круглое лицо Луда, провожавшего нас взглядом, когда мы переваливали через гребень холма в телеге бродячего торговца – он сжалился над женщиной с сапфировыми глазами и ее больным сыном. Мне казалось, я чувствую, как покачивается повозка, слышу скрип колес, стук копыт по древним камням. Я чувствовал привкус горелого мяса во рту, слышал горячечные стоны, срывавшиеся с моих губ во время дней и ночей нашего бесконечного пути.

Теперь дни мои были похожи один на другой. Пение монахинь. Шорох их шагов по коридорам, ведущим в кельи, в трапезную, в храм. Негромкие молитвы и песнопения Бранвен,

пытавшейся залечить мои раны. Постоянное кукование птицы, скрывавшейся в ветвях дерева, название которого я не мог угадать.

И темнота. Вечная темнота.

Иногда, сидя на своем тюфяке, я осторожно проводил кончиками пальцев по коросте на щеках и под глазами. В коже моей пролегли ужасные глубокие борозды, так что теперь мое лицо, наверное, напоминало кору сосны. Я знал, что искусство Бранвен не поможет – что шрамы останутся навсегда. Даже если случится чудо и ко мне вернется зрение, шрамы до конца дней будут напоминать мне и окружающим о моей ужасной глупости, о моем опрометчивом, бесполезном поступке. Конечно, я понимал, что предаваться подобным мыслям бесполезно. И все-таки они посещали меня.

Как-то раз мне ужасно захотелось отрастить бороду. Я представил себя с длинной развевающейся бородой – как у древнего мудреца, прожившего на свете тысячу лет. Какая это была великолепная борода! Белая, волнистая, она скрывала мое лицо, подобно облаку. Там могла бы свить гнездо парочка птиц.

Но подобные мечты занимали меня недолго. Я все глубже погружался в пучину отчаяния. Никогда больше я не залезу на дерево, думал я. Никогда мне не придется бегать по полю. Никогда я не увижу лицо Бранвен – от нее остались лишь воспоминания.

Я перестал есть. Несмотря на уговоры Бранвен, я не притрагивался к пище – у меня пропал аппетит. Однажды утром она молча опустилась на колени рядом со мной, чтобы перевязать мои раны. Когда она прикоснулась к повязке, я покачал головой и отодвинулся от нее.

– Я хочу, чтобы ты оставила меня, пусть лучше я умру.

– Твое время еще не пришло.

– Откуда ты знаешь? – резко ответил я. – Я уже почти что мертвец! Это не жизнь! Это бесконечная пытка. Лучше отправиться в ад, чем оставаться здесь.

Она схватила меня за плечи.

– Не говори так! Это кощунство!

– Это правда! Видишь, что сделало со мной это могущество, которое ты когда-то назвала даром Божьим? Будь оно проклято! Лучше бы я умер.

– Замолчи!

Я вырвался из ее рук; сердце мое стучало, как молот.

– У меня нет жизни! Нет имени! Ничего нет!

Бранвен, тихонько всхлипывая, начала молиться.

– Господь милосердный, Спаситель наш, Создатель всех строк, что написаны в Великой Книге Небес и Земли, прошу Тебя, помоги этому мальчику! Прощу Тебя! Прости его! Он не ведает, что говорит. Если Ты вернешь ему зрение, хотя бы самое слабое, хотя бы ненадолго, я обещаю Тебе, что он заслужит твое прощение. Он никогда больше не воспользуется своим могуществом, если Ты этого потребуешь! Только помоги ему. Пожалуйста, помоги ему.

– Никогда больше не пользоваться могуществом? – презрительно усмехнулся я. – Я с радостью избавился бы от него насовсем, если бы взамен мне вернули зрение! Колдовство мне не нужно и никогда не было нужно.

Я сердито дернул за край повязки, скрывавшей мой лоб.

– А у тебя теперь что за жизнь? Не намного лучше моей! И это правда. Ты можешь говорить бодрым голосом. Можешь обманывать здешних монахинь. Но не меня. Я знаю, что ты несчастна.

– Я обрела покой.

– Это неправда.

– Я обрела покой, – повторила она.

– Покой! – крикнул я. – Покой! Тогда почему на руках у тебя ссадины – ты ломаешь их в отчаянии! Почему на щеках у тебя следы...

Я внезапно смолк.

– Боже милостивый, – прошептала она.

– Я... я ничего не понимаю. – Я нерешительно протянул руку туда, где должно было находиться ее лицо, легко коснулся ее щеки.

В это мгновение оба мы поняли: я каким-то образом *почувствовал*, что щеки ее влажны от слез. Несмотря на то, что я не мог видеть слез, я был уверен в том, что они есть.

– Значит, у тебя имеется еще один дар. – В голосе Бранвен прозвучал благоговейный ужас. Она стиснула мою руку. – Ты обладаешь даром *ясновидения*.

Я не знал, что думать. Может, это та же самая способность, которой я когда-то воспользовался, чтобы заставить раскрыться цветок? Нет. Это было нечто иное. Казалось, менее подверженное моей воле. Ну, а как же моя догадка насчет цвета лепестков? Возможно. И все же эти новые ощущения были другими. Они больше походили на... ответ на молитву Бранвен. На милость Божью.

– Не может быть, – запинаясь, произнес я. – Как это могло случиться?

– Но это случилось, Господь услышал нас!

– Испытай меня, – попросил я. – Подними несколько пальцев.

Она повиновалась.

Я прикусил губу, пытаюсь разглядеть, сколько их.

– Два?

– Нет, попробуй снова.

– Три?

– Еще раз.

Я сосредоточился, инстинктивно прикрыл глаза, хотя, разумеется, для меня не существовало никакой разницы. Мне было все равно, открыты они или нет. После долгого молчания я произнес:

– Ты подняла две руки, я прав?

– Прав! Ну а теперь скажи... сколько там пальцев?

Шли минуты. На лбу моем, покрытом шрамами, выступил пот, он щипал чувствительную новую кожу. Но я не шевелился. Наконец, я дрожащим, неуверенным голосом спросил:

– Может быть, семь?

Бранвен вздохнула с облегчением.

– Да, семь.

Мы обнялись. В этот миг я понял, что жизнь моя снова изменилась навсегда. И подумал, что до конца моих дней число «семь» будет иметь для меня особое значение.

Но самым важным для меня был данный обет. Не имело значения, кто дал его – Бранвен, я или мы оба. Никогда больше мне не суждено было мысленно передвигать предметы. Даже лепесток цветка. Нельзя было читать будущее, нельзя пытаться освоить те таинственные силы, которыми я был наделен. Но взамен я получил зрение. Я получил жизнь.

Я снова начал есть с большим аппетитом. Я буквально набрасывался на еду – особенно если мне доставался хлеб с молоком, мое любимое блюдо. Или ежевичное варенье с хлебными корками. Или сырые гусиные яйца, приправленные горчицей – последнее особенно забавляло меня, потому что от запаха этой пищи монахинь начинало мутить. Однажды вечером Бранвен отправилась на рынок и нашла один-единственный, но сочный финик – и финик этот показался нам чудесней самых роскошных королевских блюд.

Вместе с аппетитом ко мне вернулась бодрость духа. Я начал исследовать коридоры, помещения храма Святого Петра, дворы. Вся церковь превратилась в мое царство. В мой замок! Однажды, когда монахинь не было поблизости, я пробрался во двор и искупался в неглубоком бассейне. Самым трудным для меня при этом было подавить желание запеть во все горло.

Ежедневно мы с Бранвен трудились долгими часами, пытаясь обострить мое сверхъестественное зрение. Во время первых занятий мы пользовались ложками, глиняными горшками, другой утварью, которую она раздобывала где-то в церкви. Со временем я смог в подробностях разглядеть небольшой алтарь, все его очертания, даже сучки в досках, из которых он был сооружен. И закончил я потиром с двумя ручками и надписями, выполненными замысловатой вязью. На надпись потребовалась почти неделя, но в конце концов я прочел слова, тянувшиеся вдоль бортика чаши: «Просите, и дано будет вам»²⁴.

Вскоре я заметил, что лучше всего «вижу» предметы, если они находятся недалеко от меня и неподвижны. Если они двигались слишком быстро или располагались слишком далеко, я часто терял их из виду. Летящая птица сливалась с небосводом.

Более того; с заходом солнца и наступлением темноты ослабевало и мое «второе зрение». В сумерках я различал лишь туманные очертания предметов. Ночью я вообще ничего не видел, если только факел или лунный свет не прогоняли тьму. Мне оставалось лишь гадать, почему мое второе зрение нуждалось в свете. Ведь, в конце концов, оно в корне отличалось от зрения обычных людей. Так почему же мне мешала темнота? Я много думал и решил, что ясновидение направлено, с одной стороны, внутрь, а с другой стороны – во внешний мир. Возможно, в нем каким-то непонятным мне образом участвовали остатки обожженных глаз. А может, оно требовало чего-то иного, какого-то особенного умения, которым я пока не мог овладеть.

Таким образом, несмотря на то, что ясновидение было, разумеется, лучше полной слепоты, оно было гораздо хуже того зрения, что я утратил. Даже при дневном свете я мог различать лишь намеки на цвета, и по большей части видел мир будто сквозь серую пелену. Я видел, что голова и шея Бранвен теперь скрыты покрывалом, что оно светлее, чем ее просторное платье, но не мог бы сказать, какого цвета ткань – серого или коричневого. Я уже начал забывать, какого цвета те или иные предметы, виденные мною со времени прибытия в Гвинед.

Но я легко мирился с этими ограничениями. О да, легко и с радостью. Осмелев, набравшись опыта, я ходил в храм или в трапезную вместе с Бранвен. Я садился рядом с какой-нибудь монахиней, разговаривал с ней и смотрел ей прямо в лицо, так что она не подозревала, что глаза мои мертвы. И однажды утром мне удалось по-настоящему побегать по двору, петляя между колоннами, и даже перепрыгнуть бассейн.

В тот раз я не стал удерживаться от пения.

---

²⁴ Цитата из Евангелия (Мф. 7:7).

Глава 9

Оперившийся птенец

Постепенно мое «второе зрение» улучшалось, и Бранвен помогала мне читать религиозные манускрипты на латинском языке, хранившиеся в церкви. Волна сильного запаха кожи и пергамента обдавала меня всякий раз, когда с треском раскрывался один из этих томов. И еще более сильное впечатление производили на меня иллюстрации, переносившие меня в другие эпохи, в другие страны – пророк Илия на огненной колеснице, тайная вечеря, каменные скрижали Моисея.

Иногда в те часы, что я корпел над древними текстами, все мои тревоги оставляли меня. Я погружался в мир книги, передо мной разворачивались сцены героических деяний, мелькали цвета, проходили вереницы лиц – так четко и ярко я никогда не увидел бы их своими глазами. И я начал понимать то, что прежде проходило мимо моего сознания: книги – это истинное чудо. Я даже осмеливался надеяться на то, что однажды, еще сам не зная, каким образом, я соберу библиотеку книг, написанных в разные времена, на разных языках, подобную той, о которой мне рассказывала Бранвен.

С каждым днем я видел мир все яснее. Однажды утром я обнаружил, что могу догадаться о настроении Бранвен по выражению ее лица – изгибу губ, блеску в глазах. Еще через несколько дней, стоя у окна и наблюдая, как ветер качает ветви, я вдруг понял, что шелестевшее дерево, служившее жилищем кукушке – это боярышник, густой и раскидистый. И как-то ночью мне удалось в первый раз с того дня, когда я бросился в огонь, разглядеть на небе звезду.

На следующую ночь я уселся посередине церковного двора, подальше от света факелов. Низко над северным горизонтом мерцала вторая звезда. Назавтра я смог разглядеть еще три новых светлых точки. Затем еще пять. И еще восемь. И еще двенадцать.

А на следующий вечер, когда я сидел во дворе, ко мне подошла Бранвен. Мы улеглись рядом на камни. Она рукой обрисовала мне очертания созвездия Пегаса. Затем медленно, нараспев пересказала мне историю огромного крылатого коня. Пока она говорила, я чувствовал себя так, будто взмываю в небо на широкой спине Пегаса. Мы перепрыгивали с одной звезды на другую, проплывали мимо луны, скакали за горизонт.

Каждый вечер после того дня, если небо не было полностью затянуто облаками, мы с Бранвен проводили на вымощенном камнем дворе, под черным куполом небес. Я обожал читать церковные манускрипты, но чтение небесного манускрипта приводило меня в еще больший восторг. Бранвен служила мне проводницей, и я коротал вечера в обществе Лебеда, Водолея и Медведицы – ее когти не раз задевали мне спину. Я поднимал Паруса, плавал вместе с Рыбами, шагал рядом с Геркулесом.

Иногда, изучая звезды, я представлял себе, как небо уменьшается в размерах и превращается в небольшую шапку, сверкающую алмазами. Я быстро надевал ее. Темно-синяя, усыпанная звездами шапка падала с моей головы, мерцая на лету. Звезды катились у меня по плечам. Планеты звенели у меня под ногами. Как хотелось мне в один прекрасный день заполучить такую шапку!

Однако, радуясь своим открытиям, я ни на минуту не забывал о том, что множество вещей остаются сокрытыми от меня. Некоторые звезды заслоняли облака; слепота заслоняла от меня еще больше. Даже в ясную погоду звезды никогда не были яркими. Но восторг от того, что я могу видеть далекие огоньки, перевешивал раздражение от того, что их так мало.

И все же... в душе моей оставался темный уголок, куда не мог проникнуть даже звездный свет. Призраки прошлого продолжали преследовать меня. Особенно воспоминания о том, что я сделал с Динатием. Я все еще слышал его крики, смотрел в его глаза, полные смертельного страха, воображал, как хватаю изломанные, обугленные остатки его рук. Я спрашивал Бранвен,

остался ли несчастный в живых, но она не могла сказать. Она знала лишь, что в день, когда мы покидали деревню, он находился между жизнью и смертью. Но мне все было ясно. Он причинил мне много зла, его постигла заслуженная кара, и все-таки я обошелся с ним гораздо более жестоко, чем он со мной.

Но хуже всего было то, что меня продолжало терзать некое чувство, еще более мучительное, нежели чувство вины. Страх. Страх перед самим собой и своим ужасным могуществом. Одна лишь мысль о нем разжигала в душе моей пламя, жгучее, испепеляющее пламя. Если мне не хватит сил сдержать обещание, данное Богу, размышлял я, смогу ли я воспользоваться этим могуществом, или сам превращусь в его орудие? Если в припадке безумной ярости я с такой легкостью смог уничтожить человека и огромное дерево, что еще суждено уничтожить мне в будущем? Может, я сам сгорю дотла в этом пламени, как сгорели мои глаза?

«Что же я за существо на самом деле?» Возможно, Динатий все-таки был прав. Возможно, в жилах у меня действительно текла кровь демонов, и именно поэтому я носил в себе нечто жуткое, готовое вырваться на свободу в любой момент, подобно чудовищному змию, поднимающемуся на поверхность из неведомых морских глубин.

И поэтому даже теперь, когда дни мои снова озарил свет солнца, меня продолжали преследовать мои собственные темные страхи. Шли недели, и жизненные силы вместе со зрением возвращались ко мне. Но беспокойство мое тоже росло. И я был уверен в том, что мне никогда не избавиться от этих страхов – если мне не удастся выяснить, кто я такой.

А потом пришел день, когда я услышал за окном своей комнаты новый звук. Я с любопытством высунулся на улицу. Напрягая свое чудесное зрение, я обнаружил источник звука, находившийся среди ветвей боярышника. Некоторое время я смотрел и слушал. Затем обернулся к Бранвен, которая сидела на своем обычном месте – на полу у моего тюфяка – и растирала в ступке какие-то травы.

– Кукушка свила гнездо в кусте боярышника, – произнес я со смесью уверенности и печали в голосе; мой тон заставил Бранвен прервать работу. – Я каждый день наблюдал за ней, видел, как она сидит на яйцах. Она снесла только одно яйцо. Она охраняла его от врагов. И сегодня, наконец, птенец вылупился. Молодая птица, сидевшая в темноте, вышла на свет.

Бранвен, прежде чем ответить, пристально посмотрела мне в лицо.

– И, – дрожащим голосом заговорила она, – эта молодая птица уже может летать?

Я медленно покачал головой.

– Пока еще нет. Но очень скоро она должна научиться этому.

– А птенец не может... – У нее перехватило дыхание от волнения, и она на миг смолкла. –

А он не может еще ненадолго остаться с матерью, еще хоть какое-то время делить с ней гнездо?

Я нахмурился.

– Все птицы должны вылетать из гнезда, когда у них вырастут перья.

– Но куда? Куда он отправится?

– В моем случае – искать себя самого. – Помолчав, я добавил: – А для этого он должен узнать о своем прошлом.

Бранвен схватила за сердце.

– Нет. Даже не думай об этом. Ты погибнешь, если вернешься на... вернешься туда.

– Я погибну, если останусь здесь. – Я шагнул к ней. Хотя глаза мои были безжизненны, я впился в ей в лицо своим сверхъестественным взглядом. – Если ты не можешь или не желаешь сказать мне, откуда я пришел, я обязан выяснить это сам. Прошу, пойми меня! Я должен узнать свое настоящее имя. Я должен найти мать и отца. Я должен найти свой настоящий дом.

– Останься, – в отчаянии умоляла она. – Ты всего лишь двенадцатилетний мальчик! И к тому же почти слепой! Ты понятия не имеешь о том, какие опасности ждут тебя. Послушай меня, Эмрис. Если ты останешься со мной еще хотя бы несколько лет, ты станешь взрослым.

Тогда ты сможешь выбирать себе дорогу в жизни. Сможешь стать бардом. Монахом. Кем захочешь.

Видя упрямое выражение моего лица, она попыталась подойти с другой стороны.

– Что бы ты ни собрался предпринять, давай не будем решать прямо сейчас. Давай я расскажу тебе какую-нибудь историю, что-нибудь такое, что помогло бы тебе разобраться в этом безумии. Как насчет твоего любимого сказания? О бродячем друиде, который спас святую Бригитту от рабства? – Не дожидаясь ответа, она начала: – Настал день в жизни юной Бригитты, когда она...

– Нет, – покачал я головой. – Я должен узнать свою собственную историю.

Бранвен с трудом поднялась на ноги.

– Я оставила там многое из того, что было дорого мне – тебе этого не понять. И знаешь, почему я бежала? Чтобы спасти свою жизнь – и твою. Разве тебе этого мало?

Я ничего не ответил.

– Неужели тебе обязательно это делать?

– Пойдем со мной.

Она прислонилась к стене, чтобы не упасть.

– Нет! Я не могу.

– Тогда расскажи мне, как туда добраться.

– Нет.

– Хотя бы с чего начать поиски?

– Нет.

Я ощутил внезапное желание проникнуть в ее мысли, словно в сердцевину цветка. Затем вспыхнуло пламя, опалило мой мозг. Я вспомнил о своем обете – и о своих страхах.

– Скажи мне только одно, – взмолился я. – Однажды ты обмолвилась, что знала моего деда. А отца моего ты знала?

Лицо ее исказилось.

– Да. Я знала его.

– А он был... э-э... он не был человеком? Он был... демоном?

Лицо Бранвен превратилось в неподвижную маску. После долгого молчания она заговорила странным голосом, словно обращалась к кому-то далекому.

– Я скажу тебе только одно. Если тебе суждено с ним когда-нибудь встретиться, помни: он не таков, каким кажется.

– Я это запомню. Но больше ты мне ничего не расскажешь?

Она сделала отрицательный жест.

– У меня есть отец! Я просто хочу увидеть его, познакомиться с ним.

– Лучше тебе этого не делать.

– Но почему?

Вместо ответа Бранвен снова печально покачала головой, затем отошла к низкому столику, на котором были разложены ее целебные травы. Она быстро выбрала какие-то листья, истолкла их в крупный порошок и насыпала в кожаный мешочек, перевязанный шнурком. Протягивая мне мешочек, она покорно произнесла:

– Надеюсь, это поможет тебе исцелиться от болезней и ран, возможно, даже смертельных.

Я хотел было ответить, но она снова заговорила.

– И еще прими вот это от женщины, которая так хотела, чтобы ты называл ее матушкой.

– Она медленно сунула руку за ворот рубахи и вытащила свою подвеску.

Несмотря на слабое зрение, я заметил, как сверкнул зеленый камень.

– Но это твоя вещь!

– Тебе она понадобится больше, чем мне.

Она сняла с шеи кожаный шнурок и, прежде чем повесить драгоценный камень мне на шею, в последний раз сжала его в пальцах.

– Он называется... *Галатор*.

Когда я услышал это слово, у меня перехватило дыхание.

– Храни его, как зеницу ока, – продолжала Бранвен. – Сила его велика. Если он не сможет уберечь тебя, значит, тебя не спасет ничто и никто, кроме Бога.

– Ты берегла меня. Ты свила мне надежное гнездо.

– Возможно, когда-то это было и так. Но сейчас... – На глазах у нее выступили слезы.

– Сейчас ты должен лететь дальше.

– Да. Сейчас я должен лететь дальше.

Она мягко прикоснулась к моей щеке.

Я повернулся и вышел из комнаты, и за мной следовало лишь эхо моих шагов.

Глава 10

Древний дуб

Ступив за резные деревянные двери церкви Святого Петра, я очутился среди суеты и шума Каэр Мирддина. Мое слабое зрение не сразу освоилось с непрерывным движением. Колеса телег и копыта лошадей громыхали по мощеным улицам, во всех направлениях двигались ослы, свиньи, овцы и лохматые собаки. Торговцы во все горло расхваливали свои товары, нищие хватались за одежды прохожих, прося подаяния, зеваки собрались вокруг какого-то человека, жонглировавшего шарами, и люди самого различного облика и положения шагали мимо меня, нагруженные корзинами, узлами, свежими овощами, кипами тканей.

Я оглянулся на куст боярышника, верхушка которого виднелась над церковной стеной. Несмотря на всю боль и отчаяние, испытанные мною в этом месте, я знал, что мне будет не хватать монастырской тишины нашей комнаты, монотонного пения монахинь, голоса птицы, живущей среди листвы за окном. И еще я неожиданно сильно затосковал по Бранвен.

Сияясь рассмотреть сливавшиеся в одно целое толпы людей, животных, кучи товаров, я заметил на противоположной стороне улицы нечто вроде святилища. Мне стало любопытно, и я решил подойти поближе, хотя для этого требовалось переплыть стремительную реку – то есть перебраться через оживленную улицу. Закусив губу, я двинулся вперед.

Меня немедленно начали толкать, пинать, ударили, развернули в другую сторону. Я видел очень плохо и не успевал уклоняться от встречных; я тут же столкнулся с каким-то человеком, тащившим вязанку хвороста. Ветки полетели во все стороны, а вслед мне полетели проклятья. Затем я врезался прямо в круп лошади. Спустя несколько секунд колесо телеги едва не отдало мне ногу. Однако каким-то чудом мне удалось перейти на противоположную сторону улицы. Я подошел к святилищу.

Оно было не слишком заметным и представляло собой всего лишь вырезанную из камня фигурку сокола, сидевшего над каменной чашей с грязной водой. Если когда-нибудь люди и ухаживали за ним, то, судя по всему, давным-давно его забросили. Крылья сокола обломались. Основание статуи разрушалось. Наверное, из тысяч людей, проходивших здесь ежедневно, только два-три человека замечали каменную птицу.

Но что-то влекло меня к этой забытой древней святыне. Я подошел ближе, прикоснулся к клюву сокола, источенному непогодой. Вспомнив рассказы Бранвен, я решил, что статуя была, скорее всего, воздвигнута в честь одного из наиболее почитаемых богов древних кельтов, Мирддина, который иногда принимал облик сокола. Один из их Аполлонов, говорила Бранвен. Хотя я до сих пор не мог разделить ее веру в то, что боги и духи бродят по земле, я снова подумал об олене и кабане, которые много лет назад сражались у меня на глазах на морском берегу. Если это на самом деле были Дагда и Рита Гавр, может быть, бог Мирддин тоже до сих пор еще жив?

Осел, нагруженный тяжелыми мешками, с силой поддал меня копытом. Я повалился на каменную статую, рука моя оказалась в лужице тухлой воды. Поднявшись и обтерев руку, я попытался представить себе, как выглядел Каэр Мирддин сотни лет назад. Бранвен рассказывала мне, что многолюдный город был тогда маленьким мирным селением на холме, и пастухи останавливались у родника, чтобы напиться. Со временем он превратился в оживленный торговый центр, сюда привозили товары с хуторов Гвинеда и таких отдаленных областей, как Гвент, Брихейниог и Поуис. Затем пришли римляне и построили на высоких берегах Тауи крепость. И теперь старые военные дороги, подобные той, что вела в Каэр Ведвид, связывали город с плодородными долинами и кишевшими дичью лесами на севере; одна из дорог шла вдоль реки к морю. Несмотря на то, что сегодня мало кого интересовали подобные вещи, это разру-

шающееся святилище – как и само название города – по-прежнему связывало Каэр Мирддин с его далеким прошлым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.